

1997

ДЕТСТВО

детство

двор

музыка

друзья

первые мечты

первые ошибки

первые победы

2007

ЮНОСТЬ

выбор

поиск себя

первые деньги

ответственность

мечта

БИЙСК
МОЙ ГОРОД

АНАТОЛИЙ ПРОЗОРОВ

ИСТОРИЯ

одного хочу

ИСТОРИЯ О ТОМ, КАК ЖЕЛАНИЕ ПРЕВРАЩАЕТСЯ В ПУТЬ.

БИЙСК
• СИБИРЬ •

Анатолий Прозоров

История одного "хочу"

<https://litres.ru/74295452>

SelfPub; 2026

Аннотация

Эта книга — честная история Толи, мальчишки из Бийска, который рос в обычном дворе, в бедной семье, дрался, ошибался, мечтал, влюблялся, терял, искал себя и постепенно становился предпринимателем.

Здесь нет выдуманных героев и красивых легенд. Только реальные события, живые диалоги, воспоминания, которые смешат, трогают и иногда заставляют остановиться, чтобы подумать о собственной жизни.

«История одного хочу» — это не только рассказ обо мне. Это книга о взрослении, выборе, силе желания и о том, как каждое, даже самое маленькое «хочу» постепенно превращается в жизненный путь.

Содержание

Введение	5
Глава 1. Точка отсчета	7
Глава 2. Переезд	9
Глава 3. Вечер в новых стенах	11
Глава 4. Первое сентября	14
Фотоархив (главы 1–4)	16
Глава 5. Автобус №27 без номера	17
Глава 6. Старый немец за 500 рублей	19
Глава 7. Черный внедорожник в сером городе	22
Глава 8. Между креслом и мечтой	24
Глава 9. «Тоська, всё будет»	26
Глава	29
Глава 10. Пацаны у магазина	30
Глава 11. Понедельник легким не бывает	34
Глава 12. Денди и волнительное ожидание	37
Глава	41
Глава 13. Разрушенный домик	42
Глава 14. Домашка в 5 утра	46
Глава 15. Коктейль в «Полиэксе»	49
Глава 16. Сорванный урок	54
Глава 17. Баба Дуся и Дружок	57
Глава 18. У каждого своя правда	62
Глава 19. Новогодняя сказка	66

Глава 20. Тусклый Факел	70
Глава 21. Каникулы и горечь пива	75
Глава 22. Дядя Витя и крыша	79
Глава 23. Коробейниково	83
Глава 24. «Химик»	88
Глава 25. Большая обида	93
Глава 26. Подготовка к школе	97
Глава 27. Новички	100
Глава 28. Смена симпатий	104
Глава	108
Глава 29. Тревога	109
Глава 30. Чудо	113
Глава 31. Новый век	117
Глава 32. Выходные на стульчике	122
Конец ознакомительного фрагмента.	125

История одного "хочу"

Введение

В детстве у нас в Бийске говорили: «Где родился — там и пригодился». Взрослые бросали это как-то между делом, и никто особо не спорил. Ну и ладно, ну и правильно, наверное.

Мама водила меня в церковь, и там я слышал другое: что богатому в рай не попасть. Я запомнил это, кивал, но лет в пятнадцать начал тихо не соглашаться. Не вслух — просто внутри что-то щёлкало и говорило: ну а почему, собственно, нельзя? Почему обязательно нужно выбирать?

Тогда у меня была одна конкретная мечта. Не абстрактная, а прямо с картинкой в голове. Хорошо зарабатывать, раз в год куда-нибудь выезжать и ездить на иномарке. Причём под «иномаркой» я чётко понимал Toyota Corolla Fielder — точно такую, как у доктора из гаражей рядом с нашим домом. Доктором его называли все, хотя он работал в ветеринарке и давно уже оттуда ушёл. Он умел рассказывать истории так, что вокруг него всегда собирались люди. И машина у него была. И жизнь, как мне тогда казалось, была та самая.

Мама мне многое заложила. Она сама училась в Новосибирске, была отличницей, много поездила после университета. И она же первой сказала мне прямо:

— Ты можешь получить всё, что хочешь. Но только если будешь работать и не повторишь судьбу отца.

Про отца она говорила коротко и без лишних слов. Гены, мол, не очень. Она боялась, что я сопыюсь.

Я принял это. Не спорил. Просто решил: хочешь нормально жить — учись, работай, не бухай.

С тех пор я и живу. Принимаю решения, иногда умные, иногда так себе, иногда вообще не понимаю зачем — и потом разбираюсь с последствиями.

Эту книгу я пишу по двум причинам. Первая — личная. Хочу вернуться туда, где я ещё помню всё телесно: страх, кайф, стыд, злость, растерянность. Пока не забыл. Вторая — мне кажется, что какие-то вещи передаются не через советы и не через правила. А через атмосферу. Через то, как именно всё происходило. Вот я и попробую.

Мне сейчас 34 года. То, о чём мечтал в пятнадцать, я уже давно перерос. Но к тому, чего хочу сейчас, ещё иду.

Все люди в книге настоящие. Имена почти не менял, только там, где поставил звёздочку.

Отсчёт начинается с 1998 года. Мне семь лет. И именно тогда случилось первое, что по-настоящему всё перевернуло.

Глава 1. Точка отсчета

Чтобы читатель мог представить место, где начинается моя история, расскажу про Бийск. Алтайский край, Западная Сибирь. Город у самого предгорья — до Барнаула километров сто пятьдесят, до Горно-Алтайска ровно сто. Через город идёт Чуйский тракт, трасса М-52. За городом — Сростки, где родился Шукшин, а километров через шестьдесят уже начинаются настоящие горы. Город старый, основан Петром Первым в 1709 году как крепость. Сейчас тут живёт около двухсот двадцати тысяч человек.

Если смотреть по течению реки — левый берег это Заречье. Основная часть города на правом. Есть посёлок Нагорный, с него спускаешься к реке и попадаешь в Лесозавод. Место своеобразное — район гопников и цыган, местное гетто, одним словом. Дальше от Лесозавода начинается старый центр: имперские дома из красного кирпича, Успенский собор, здание банка, музей Чуйского тракта. Переулок Коммунарский делит старое от нового.

За двадцать третьим микрорайоном — табачная фабрика. Чуть дальше район вокзала, а ниже по реке Зелёный Клин, район помоложе. Многоэтажек выше девяти этажей в городе нет — всё больше девятиэтажки и рынки. Пятиэтажек ещё меньше.

В длину город почти восемнадцать километров — от

Льнокомбината до промзоны. Но узкий, всего километра три в ширину. Заречье вообще полоска — километр в ширину и двенадцать в длину.

В двух километрах от города Бия с Катунью сливаются, и там рождается Обь.

Помню, как мама рассказывала мне всё это. Я спрашивал, она отвечала — спокойно, как будто читала вслух что-то давно выученное наизусть. Я слушал и запоминал. Не потому что интересовался географией. А просто это был её голос, и мне нравилось его слушать.

Тогда Бийск был для меня просто Бийском. Двор, школа, запах с завода, мальчишки из соседних подъездов. Другой жизни я не знал и особо не думал о ней.

А потом мама сказала:

— Мы переезжаем.

Для неё это была обычная фраза. Для меня в семь лет это звучало как будто земля немного сдвинулась под ногами. Всё останется на месте — река, кирпичные дома, Чуйский тракт. Но двор, в котором я знал каждый угол, перестанет быть моим двором.

Глава 2. Переезд

Мне было семь лет, и я не хотел никуда переезжать.

До этого мы жили все вместе — папа Вова, мама Люда, баба Валя и я — в доме на Подгорной. Три комнаты, большая кухня, посередине печь. Для меня это был весь мир. Там было тепло, там пахло хлебом, там я знал каждый угол.

Папа в последнее время пил. Мама пыталась что-то с этим сделать, но каждый раз упиралась в бабу Валю — папину маму. Та вставала на защиту сына намертво, и у них начинался один и тот же разговор, который я уже знал наизусть.

— Если бы не вы, он бы не пил, — говорила мама.

— Буду заступаться и буду, — отвечала баба и отмахивалась.

Этот спор не заканчивался никогда. И в какой-то момент мама приняла решение. Когда на работе ей дали квартиру, она сразу начала там ремонт. Папа поначалу не воспринял всерьёз.

— Люсь, ну что ты придумала, — усмехнулся он.

Потом понял, что она не шутит.

— Люсь, да куда вы поедете, оставайтесь, — уже мягче говорил он.

— Люд, останьтесь, — вторила баба.

Я вцепился в мамин халат и тоже попросил остаться. Она была твёрдая как стена. Решение принято.

20 августа 1998 года. Я проснулся с каким-то неприятным ощущением в груди — сразу вспомнил, что сегодня. Солнце светило, но уже не по-летнему, желтоватое такое, как бывает в конце августа, когда лето уже почти всё.

К двум часам во двор загрохотал бортовой газик. Папа с дядей Витей и водителем начали выносить вещи. Дядя Витя был двоюродным братом мамы. Шкаф, холодильник, диван, зелёный ковёр, стулья, столы. Я стоял в углу и смотрел, как комната постепенно пустеет. Пол скрипел, ножки мебели стучали по доскам, и в опустевшей комнате появился странный звук — эхо. Раньше его не было.

Мы с мамой сели в кабину. Папа с бабой вышли проводить. Я поднял руку — они помахали в ответ. Баба быстро смахнула слезу платком. Я отвёл взгляд.

Двигатель загудел, и дом на Подгорной медленно поплыл назад. Сначала пропала калитка, потом крыльцо, потом окно кухни, где по вечерам всегда горел жёлтый свет. Я смотрел, пока дом не скрылся за поворотом.

В груди было пусто. Как будто вместе со шкафом и диваном вынесли ещё что-то, чему я тогда не знал названия.

Машина выехала на дорогу. Через двадцать минут мы въезжали на улицу с незнакомым названием — Ударная.

Глава 3. Вечер в новых стенах

Газик тряся на кочках, я сидел и смотрел в окно. Мимо проплывали улицы, заборы, редкие прохожие. Водитель с дядей Витей о чём-то разговаривали, мама молчала, я тоже молчал.

— Мам, а мы куда едем?

— На Ударную. Там теперь будем жить.

Я не знал, где эта Ударная. Но почему-то сразу вспомнилось — ребята во дворе называли тот район Кровососской. Почему именно так, я тогда не знал. Просто запомнил слово.

За поворотом выросла стена. Не настоящая — четыре десятиэтажки, стоящие в линию, метров на семьсот. Для меня это казалось огромным.

— Китайская стена, — сказала мама. — Видишь, какая длинная?

Я прижался к стеклу и смотрел.

Машина свернула во двор белой пятиэтажки с плоской крышей. Это было общежитие — мама получила его от работы, от «Полиэкса». На входе сидел вахтёр, который знал всех по именам. Потом я часто буду подходить к нему и просить позвонить маме. Он кивал, я набирал номер, трубку брали, я говорил «Людмилу Михайловну можно?» — и кто-нибудь на том конце провода кричал: «Людмила Михайловна, это сынок».

Внутри — розовые обшарпанные стены, тусклый свет, длинный коридор с запахом, который ни с чем не спутаешь. Старая краска, подъезд и чужие ужины — всё вместе. Общежитие делилось на два крыла, в каждом крыле по четыре комнаты. Общие мойки, общий туалет — то лампочку выкрутят, то затопит. В правом крыле окна с кирпичной кладкой вместо стекла. Мне было туда страшно заглядывать.

Мама открыла коричневую дверь ключом с круглым зубчатым концом. Щёлк-щёлк — два оборота. За ней ещё одна дверь, деревянная.

— Ну, заходи, — сказала она.

Комната семнадцать квадратных метров. Свежая краска, запах ремонта — мама с дядей Витей делали его целый месяц. За окном кричала детвора, гоняла мяч.

К вечеру все разошлись. Мебель расставили по периметру — вошло всё, хоть и впритык. Мама ушла в магазин, я остался один на диване и смотрел на пустые стены. Через тонкие стены доносились голоса соседей — кто-то смеялся, хлопала дверь, гремела посуда.

Вечером мама сварила горошницу. Мы ели за маленьким столиком, я всё время прислушивался к звукам за стеной.

— Ничего, привыкнем, — сказала она — больше себе, чем мне.

Я кивнул и доел, хотя есть особо не хотелось.

Перед сном лёг на диван, уставился в потолок. Думал — какие тут дети, куда я пойду завтра утром, как это всё вооб-

ще будет.

За стеной кто-то заговорил, потом кашлянул — и стало тихо.

Я закрыл глаза.

Глава 4. Первое сентября

— Сынок, вставай — штанишки одевай, — пропела мама, и в голосе не было никаких сомнений, что я сейчас же поднимусь. — Пора в гимназию.

За окном был понедельник, первое сентября 1998-го. Ветер наклонял деревья, на стекло падали редкие упорные капли. Вставать не хотелось.

— Вставай-вставай, Соня, — повторила мама и стянула с меня одеяло.

Я поёжился и поплёлся в общую мойку. Узкий коридор, серые стены, запах влажного полотенца и чего-то варёного из соседней комнаты. У зеркала я намазал щётку пастой, начал чистить зубы — в конце коридора приоткрылась дверь, кто-то вышел покурить, щёлкнула зажигалка, и через щели потянуло дешёвыми сигаретами.

Я учился в православной гимназии — единственной не только в Бийске, но и во всём Алтайском крае. Попал туда ещё в шесть лет, в 1997-м, когда гимназия существовала всего год. Первый набор был в 96-м, я шёл во втором. Тогда старшими в гимназии были второклассники — ребята на год меня старше.

Директором был Афонин Николай Иванович, он же вёл историю у младших классов. Духовником — отец Вячеслав Трубин, преподавал Закон Божий. Вместо обычной линейки

каждое утро начиналось с молебна. В понедельник, среду, четверг и пятницу — минут двадцать. По вторникам, когда приходил батюшка, растягивалось до сорока. Перед каждым уроком молились «Царю Небесный», после пели «Достойно есть».

Форма у мальчиков — чёрный китель с подшитым белым воротничком и чёрные брюки. Воротничок подшивала мама, сам я не умел. За отсутствие формы могли отправить домой.

Вместо столовой — трапезная. После третьего урока шли туда, вставали в очередь, молились перед едой и после. В праздники шли в храм — Успенский, на улице Советской. Накануне стояли вечернюю, уходить можно было после помазания. Утром стояли в Никольском пределе шеренгами — маленькие впереди, старшие сзади.

Всего в гимназии училось человек сто двадцать. По сравнению с обычной школой — почти пустота. Я оказался там, потому что мама забрала меня из детсада, где я постоянно болел, и отдала в православные ясли при гимназии. Переход в первый класс стал просто следующим шагом. Учился бесплатно — у семьи был статус малообеспеченной.

Тогда я не думал, что гимназия какая-то особенная. Утренние молитвы, форма, запах ладана в коридорах — для меня это было просто нормально. Просто моя школа. В которую в то сентябрьское утро я снова шёл под дождём.

Фотоархив (главы 1–4)

Эти фотографии помогут увидеть места, о которых шла речь в первых главах: нашу общагу на Ударной, длинный коридор, общую мойку и храм при православной гимназии.

[Перейдите в фотоархив](#), если хотите ненадолго оказаться рядом со мной в том времени.

Глава 5. Автобус №27 без номера

Осень в Бийске шла своим чередом. Дожди, мокрый асфальт, редкое солнце. Утром вставал, ел что-то на скорую руку, мама собиралась на работу в «Полиэкс».

Ближе к середине сентября после уроков я решил к ней заехать. «Полиэкс» стоял в промзоне, на улице с названием, которое звучало как из кино — Гейдек Штрассе. Четырёх-этажное здание тогда казалось мне чуть ли не небоскрёбом. Широкие лестницы, люди с папками, запах краски и бумаги. Плановый отдел на одном из этажей, в окнах торчат кондиционеры — как боковые зеркала у иномарок.

— Мам, можно поиграть? — спросил я, едва поздоровавшись.

— Можно, только не мешай работать.

Одна из сотрудниц посадила меня за компьютер, включила простенькую игру. Я сел перед квадратным монитором с таким видом, будто мне дали космический корабль.

Вечером ехали домой в двадцать седьмом автобусе. Номера на нём не было — просто зелёный «Икарус». За окном серые склады, редкие фонари, лужи. Мама смотрела в окно и вдруг говорит:

— Сейчас-то добираться легко. А вот раньше...

— Раньше — это когда?

— Когда я в Луговском жила. Я ведь там родилась — де-

ревня Луговское, Зональный район.

Про деревню я слышал, но редко.

— И что, совсем далеко?

— Да не то чтобы далеко — просто зимой беда. Дорогу переметёт, автобус застрянет, и всё. Тогда за нами лошади с санями приезжали, километров двенадцать везли до поворота.

— Двенадцать километров на санях?

— Ага. И чтобы не мёрзли — давали одну бутылку водки на всех. По чуть-чуть, только согреться.

Мы засмеялись.

Я тут же вспомнил один случай, который был почти про то же самое. Мама уезжала к деду Мише в деревню, договорились — приедет к двум, я встречу её у гимназии.

Два часа — нету. Три — тоже. Я выходил к остановке, возвращался, снова выходил. Ветер, снег с дождём, лужи. Четыре часа. Пять. Уже не знал, куда себя деть.

К половине седьмого мама появилась в дверях — уставшая, но с улыбкой.

— Ой, сынок, это целая история. Автобус застрял, потом на санях до поворота, потом ещё час на другом тряслись.

— Ну прямо как в твоём детстве, — сказал я.

— Вот-вот, — засмеялась она. — Только без водки.

Шли домой и шутили про эти экспедиции. Мама умела вот так — из любой ерунды сделать историю, над которой можно смеяться.

Глава 6. Старый немец за 500 рублей

В начале второго класса в нашу гимназию стали приходить преподаватели из музыкальных школ. Не мы к ним — они к нам. Прямо в середине учебного дня заходили в класс: кто с гитарой, кто с папкой нот, кто с баяном. Даже хор набирали.

Вечером мама сказала:

— Сынок, надо тебе в музыку пойти. Музыка развивает.

— На что?

— На баян.

— Ну — ладно, — пожал я плечами. Баян и баян, какая разница.

Через пару дней всех, кто согласился, повели на первое занятие. Проходило оно в спортзале. Мы расселись на длинной лавке у стены. Я, если честно, волновался — так, что ладони стали мокрыми.

В зал зашла невысокая женщина с аккуратной стрижкой и добрыми глазами. В руках у неё был чёрный блестящий инструмент.

— Это не баян, это аккордеон, — сразу поправила она, заметив наши перешёптывания. — У баяна справа кнопки, а у аккордеона клавиши, как на пианино.

Я кивнул. Но для родственников он всё равно ещё лет десять оставался «баяном».

Аkkордеон оказался тяжёлым — не то чтобы неподъёмным, но такой, что долго без ремней на нём не поиграешь. Учительницу звали Лилия Владимировна. Она была из тех, кто умеет работать с детьми так, что не сбежишь после первого урока. Могла пошутить, могла похвалить, могла и строго сказать, если сидишь «как мешок с картошкой».

— Привыкай, — сказала она, когда я чуть не уронил инструмент. — Серьёзная вещь. Зато как заиграешь — сам себе завидуешь.

Занимались мы прямо в гимназии, в том же спортзале, два раза в неделю по часу. Первые звуки были смешными — то булькают, то хрипят. Я хмыкал, Лилия Владимировна спокойно отвечала:

— У всех так. Через пару месяцев сыграешь «Во саду ли, в огороде» — и все будут хлопать.

Веселье началось, когда она выдала тетрадь с домашними заданиями.

— Чтобы был толк — надо играть дома, — сказала она.

— А дома-то на чём? — удивился я.

Пришлось покупать свой аккордеон. Нашли по объявлению — пятьсот рублей. Поехали смотреть. Инструмент был видавший виды, с дыркой в мехе. Но взяли.

— Дырка — не беда, — сказал мастер в мастерской «Ремонт обуви». — Щас подлатаем.

Подлатали. И выяснилось — добротный немецкий аккордеон 1986 года. Лилия Владимировна, увидев, уважительно кивнула:

— Отличная вещь. Береги.

Дома он стоял в углу в чёрном потёртом чехле. Я вытаскивал его, закидывал ремни на плечи и иногда честно репетировал гаммы, а иногда просто гонял мех туда-сюда, придумывая свои мелодии. Соседи стучали по батарее — то ли в такт, то ли с просьбой потише.

Я думал, что так и будет — два раза в неделю аккордеон в спортзале, домашка на старом немце и терпеливые соседи. Но в какой-то момент всё изменилось — и мы перестали заниматься в гимназии.

Глава 7. Черный внедорожник в сером городе

Наступил октябрь. Холодные ветра, мокрые листья под ногами, короткие дни. В тот день небо полностью затянуло тучами.

К обеду разыгрался сильный ветер. Деревья наклонялись почти до земли, гудели стёкла, и вдруг в классе погас свет. Мы переглянулись — у кого-то глаза округлились, кто-то прыснул со смеху. Учительница сказала:

— Сейчас будет сильный дождь или град, сидим спокойно.

Взрослые тревожатся, а детям в такие моменты кажется, что начинается приключение. Всегда так.

В гимназии приняли решение — детей по домам развезут родители. Нас прямо в коридоре распределяли, кто с кем поедет. Меня определили к отцу Тани. Она училась классом ниже, в первом — тихая девочка, которую я почти не знал.

Вышли на улицу. Ветер ревел как огромный мотор. К крыльцу подъехал чёрный Land Cruiser — сотый, самый свежий, только-только вышедший. Для 1998 года это было как космолёт, внезапно оказавшийся на улицах Бийска.

— Поехали, — спокойно сказал отец Тани.

Я сел в машину.

Салон светился огнями. Цветной дисплей. Для меня это был шок — у нас дома даже простого чёрно-белого телевизора не было, а тут такое. Машина тронулась, двери сами заблокировались. Всё ощущалось иначе — массивно, быстро, уверенно.

Я сидел и думал — кто он вообще? Откуда у него такая машина? Большой бизнесмен? Или, может, водитель в какой-то фирме, которая может себе такое позволить? Даже если водитель — всё равно невероятно.

Украдкой глянул на электронные часы. Обычно дорога домой занимала у меня почти пятьдесят минут — дойти пешком до вокзала, зайти в киоск, поглазеть на «Montana» за сорок рублей, потом ждать трамвая и ехать. А тут — семь с половиной минут. Я засёк специально. Семь с половиной.

Ветер гнал тучи, чёрный внедорожник мчался вперёд, а я сидел и думал — будет ли у меня когда-нибудь такая машина? Как вообще на такое зарабатывают? Смогу ли я?

Раньше я про такие вещи вообще не думал. А тут вдруг понял — есть люди, которые живут совсем по-другому. И между мной и ними огромная дистанция: деньги, возраст, опыт — всё другое.

Но пока мы ехали, я всё время возвращался к одной мысли: как люди вообще приходят к такой жизни? Я тогда ещё не понимал, как это делается. Но крепко об этом задумался.

Глава 8. Между креслом и мечтой

Выйдя из чёрного «Ленд Крузера», я с трудом открыл дверь в подъезд — вернее, сначала в вахтовую комнату, откуда всегда вёл путь к квартирам. Позвонил маме, сказал что уже дома. Поднялся на третий этаж.

Я разулся, снял ветровку и упал в кресло. Мыслей было много, но ни одну не удавалось поймать — всё крутилось в голове, как листья на ветру.

Огляделся вокруг.

В комнате стояли два кресла, холодильник «ЗИЛ» — давно не работал — и большой шкаф с шифоньером вдоль стены. У окна мой рабочий стол, рядом тумбочка с маленьким телевизором. Цветного у нас не было, и даже этот — с антенной и дрожащим изображением — казался тогда чудом. Дальше диван и маленький столик с плиткой.

Сначала у нас вообще был самодельный обогреватель — половинка керамической трубы с натянутой спиралью. Иногда её приходилось связывать проволокой, а трогать провода было опасно — могло шарахнуть так, что искры из глаз.

Тараканы были привычным фоном общаги. Днём их почти не видно, но ночью стоит включить свет — и по стенам, по полу начинают разбегаться десятки. Отрава не помогала — они приходили от соседей. Даже в холодильнике, который мы почти не использовали, стоял характерный запах

— чего-то затхлого. Зимой продукты держали за форточкой. Иногда их клевали вороны, а бывало — соседи подцепляли и уносили.

Окно было большое, разделённое на две части, справа маленькая створка. На зиму заклеивали бумагой, промазанной мылом, щели затыкали тряпками, подтыкали ножом. Возни много, но зато становилось тепло и уютно.

Из окна открывался вид на двор. В центре стоял огромный советский «корабль» с трубой и смотровой площадкой наверху. Мы туда лазили, хотя конструкция шаталась так, что сердце замирало — высота с двухэтажный дом, всё скрипело и качалось. Но именно туда всегда тянуло.

Сбоку тянулись ещё общаги — справа коричневая, слева белая. Там были малосемейки: своя крохотная кухонька и туалет. А у нас только общие удобства на этаже — в комнате ни воды, ни душа, только свет.

Я снова посмотрел на комнату. Обшарпанный шкаф, тараканы. Пару часов назад я сидел в «Ленд Крузере» с цветным дисплеем и самоблокирующимися дверями — а теперь снова здесь.

Пропать была огромной. Я откинулся в кресле и ещё раз оглядел комнату.

Вот с такого места у меня всё начиналось.

Глава 9. «Тоська, всё будет»

Пятницы я ждал всю неделю. Потому что пятница значила одно — после уроков я еду не на Ударную, а к папе с бабой, на Подгорную. Два дня отдыха, вкусной еды от бабы и вечерних разговоров с папой.

В тот раз погода вдруг наладилась — тёплый осенний день, воздух прозрачный, солнце мягкое, уже не летнее.

Дорога до Подгорной была отдельным приключением. Сначала выходил из школы и шагал к железнодорожному вокзалу — там всегда шумно, взрослые спешат, гремят чемоданами, пахнет пирожками из буфета. Потом железнодорожные линии, которые мы с ребятами перепрыгивали, будто это не рельсы, а полосы препятствий. Чуть дальше магазин «Тампо» — у входа всегда стояли люди с сетками, от туда тянуло хлебным запахом. За ним «Кирпичный», рядом постоянно толпились взрослые. Дальше гаражи — бензин и железо — и уже за ними двор. А там баба у ворот и папа в своей куртке.

— Ну, Тоська, пришёл? — папа улыбнулся, глядя на меня добрыми глазами.

— Пап, слушай, тут история есть! — выдохнул я, ещё запыхавшись с дороги.

Папа был высокий и стройный — метр восемьдесят три, килограммов восемьдесят. Сильные руки, широкие плечи.

Когда брился, на следующий день щетина уже кололась. Я в детстве любил тереться об неё щекой — больно, но почему-то приятно. Он всегда казался надёжным. Курил, любил пиво, иногда напивался — но всё равно оставался добрым, настоящим. Работал много, но никогда не гнался за деньгами, не мечтал ни о каком бизнесе. Жил просто, но жил с душой. И с ним было спокойно.

Я гордился, что у меня есть папа. У многих ребят его вообще не было, и я иногда ловил себя на мысли, что мне даже стыдно радоваться этому. Мы хоть и жили отдельно — но папа был. Добрый, открытый, настоящий.

— Два дня назад меня подвезли домой на «Ленд Крузере», — начал я сбивчиво. — Представляешь, чёрный джип, огромный, внутри как космос.

Папа вздохнул и закурил.

— У тебя ещё всё впереди, Тоська. Ты сможешь заработать на такую машину. Ты молодой, вся жизнь впереди. А я — я уже вряд ли. Мне нет.

Я замолчал. С одной стороны стало обидно за него — хотелось, чтобы у папы тоже была такая машина, большая и красивая, а не только «Иж-Юпитер-5». С другой — внутри что-то тихо теплело. А ведь правда. У меня всё впереди.

— Но ты же понял, Тоська, — папа улыбнулся. — Главное не в машине. Главное, чтобы ты был человеком.

— Понял, пап, — тихо ответил я.

На ужин баба нажарила картошки с луком. Запах стоял

такой, что его, наверное, ещё с улицы было слышно. Мы сели за стол, разговаривали.

Засыпая на диване, я снова думал про тот «Ленд Крузер». Огромный, блестящий. И про слова папы. Странное было чувство — и хотелось скорее вырасти, и одновременно немного страшно, что ради какой-то машины можно потратить целую жизнь. Представляя, как сажусь за руль, пристегиваюсь, заводжу мотор — я незаметно уснул.

Глава

Фотоархив (
главы 5–9)

В этих главах появляются первые мечты, которые кажутся почти недостижимыми. Машина, о которой можно только мечтать. Старый телевизор, который приходится уговаривать работать. Папин мотоцикл, общажный двор, где проходит детство, и вещи, которые тогда казались совершенно обычными, а спустя годы стали самыми тёплыми воспоминаниями.

[Перейдите в фотоархив](#), чтобы увидеть места, людей и вещи, о которых шла речь в этих главах.

Глава 10. Пацаны у магазина

Наступила суббота. Несмотря на октябрь, день выдался тёплый и солнечный — как будто лето ещё раз решило вернуться. Глянул на часы — уже девять. Первая мысль была одна: позвать Васю. Вася — мой племянник, но я его называл младшим братом, у нас было всего полтора года разницы.

Я выскочил во двор, открыл калитку и крикнул:

— Тётя Свет! Вася выйдет?

Тётя Света была бабушкой Васи, но по возрасту ей тогда было чуть за сорок. Для «бабушки» это казалось совсем молодо, особенно на фоне моей бабы Вали. Всегда бодрая, энергичная — и в магазин сбегает, и вкусно приготовит, и с нами повозится. С дядей Толей ругались — иногда до крика, а бывало и до драки. Но при этом в доме у них всегда было тепло и уютно.

Дядя Толя — родной старший брат моего папы. Работал в «Бийск-Межрайгазе». Крупный мужик, почти лысый затылок и только по бокам полоски волос. Почти всегда в рабочей одежде. Домой приходил вечером уставший, но всё равно шутил или ворчал на нас с Васей.

Тётя Света работала продавщицей в «Кирпичном» — тот самый магазин метраж в трёхстах от нас, главный магазин нашего детства.

Готовила тётя Света очень вкусно. Могла накрыть стол

так, что еда казалась праздничной, даже если это была простая картошка или суп. А запахи летней кухни у них — это нечто, там всегда что-то кипело, шкворчало, пахло специями. У нас дома всё проще — картошка, яйца, борщ. А у неё уже появлялись какие-то новинки: майонезы, соусы, приправы. Даже суп с соевым соусом — химозным, насыщенным — мне казалось, что это невероятно вкусно. Мы с Васей любили сидеть у неё по вечерам: свет включён, за окном темнеет, а в летней кухне тепло, уютно и пахнет едой.

Через пару секунд вышла тётя Света. Прищурилась от солнца, поправила платок.

— Здравсьте, — сказала строго. — Он сейчас в магазин пойдёт за хлебом.

— Можно я с ним?

— Конечно, проходи. Да не разувайся — у нас ремонт.

В прихожей уже топтался Вася, завязывал шнурки.

— Ну что, пошли? — спросил он.

— Пошли. Но быстро, ладно?

— Ага, быстро, — протянул он. — Только если по дороге нас не тормознут.

Я фыркнул, но внутри сжалось. Мы оба знали, о чём речь.

Шли бок о бок. Дворы тянулись серыми заборами, кое-где выглядывали старые яблони. Вася пнул камень.

— Слушай, а если опять Чихун будет?

— Да ну его, — махнул я рукой. — Может, их сегодня вообще нет.

— Ага, «может», — Вася усмехнулся. — А если Эльчин? Он мелкий, но бешеный, как собака.

Я пожал плечами, хотя сам вспомнил — этот Эльчин вечно с камнем в руках или с палкой, готовый кинуться.

— Ладно, — сказал я. — Если что, ноги есть.

— Ага, — Вася вздохнул. — Только хлеб бы донести до дома.

Мы свернули на переулок Михайлова — там обычно было тише. Но как назло, прямо на углу стояла троица.

— О, смотрите, малые идут, — сказал один. Как я узнал позже, его звали Виталья.

Он шагнул к нам и прищурился.

— Куда идёте?

— В магазин, — сказал я. — За хлебом.

Он усмехнулся.

— Деньги есть?

— Нет.

— Чё гонишь, в магазин и без денег?

— Нам просто хлеб купить, — пожал я плечами.

Он сделал ещё шаг ближе.

— Биться будешь?

— Да мы не дерёмся, — сказал я.

— Чё, слабак? — ухмыльнулся он.

И резко ударил.

Кулак прилетел прямо в зубы. Потом ещё один. Всё произошло так быстро, что я даже рук поднять не успел.

— Эй! — крикнул Вася. — Хватит, чё вы малых трогае-те?!

Я почувствовал вкус крови, провёл языком по губам — там всё неровное, как будто кожа рваная. Выплюнул кровь на землю.

— Пошли, — тихо сказал я Васе.

Мы развернулись и быстрым шагом пошли прочь. Сзади раздавался смех.

Рассказывать дома было стыдно. Скажи «нас побили» — и всё, сразу лишние вопросы, наказания, ещё и хлеба не при-нёс.

— Ко мне пойдём, — предложил Вася. — Бабы дома пока нет.

Мы зашли в летнюю кухню, я сел на табурет. Вася нашёл перекись и вату.

— Давай, потерпи, — сказал он и приложил ватку с пере-кисью к ране.

— Жжётся! — я дёрнулся.

— Ничего, так надо, — Вася нахмурился, как взрослый.

Я провёл языком по губе. Всё распухло.

— В следующий раз будем обходить их стороной, — ска-зал Вася.

Я кивнул.

Глава 11. Понедельник

легким не бывает

Воскресенье пролетело быстро — и наступил понедельник.

Я вышел из общаги, дверь громко хлопнула за спиной. Утро было ясным, небо голубое, лёгкий ветер трепал верхушки тополей.

У трамвайной остановки уже стояла толпа. Мужчина в сером пальто недовольно постукивал ногой, рядом девочка с портфелем жевала булочку. Подъехал трамвай, двери скрипнули. Народ ринулся внутрь, я протиснулся следом. Кондукторша, полная тётка в вязаном берете, заорала:

— Проходим на вторую площадку, не задерживаемся!

Я смотрел на этих людей — злых, куда-то торопящихся — и думал: а бывает вообще такая работа, на которую идёшь с радостью? Чтобы утром просыпаться и хотеть туда ехать? Трамвай качнуло, старушка рядом буркнула себе под нос:

— Ох уж эти понедельники.

Наверное, такой работы просто не существует — подумал я.

Сегодня к нам поступил новый ученик. Он зашёл в класс уверенно, с лёгкой ухмылкой — будто уже всех тут знал. Куртку снял не спеша, кинул на парту, сел, закинув ногу

на ногу. Светловолосый, худощавый, в глазах постоянно какие-то искорки.

— Ну что, знакомьтесь — это Костя, — сказала учительница.

— Костян, — поправил он. — Можно просто Костян.

Класс захихикал. Я тоже.

После урока подошёл ко мне сам.

— Ты Толян?

— Угу.

Костян хлопнул меня по плечу — будто мы уже давно знакомы.

Костян быстро стал самым заметным в классе. Постоянно что-нибудь придумывал, шутил, подкалывал. На математике Зинаида Ивановна на него шикала, он отвечал что-то смешное — и весь класс лежал. Я был спокойнее и тише, и рядом с ним почему-то чувствовал себя увереннее. Он звал меня «дружище Толян», я его «дружище Костян». Спустя какое-то время мы сдружились.

Уроки закончились. Я натянул капюшон и побрёл к остановке.

По дороге домой я зашёл в кафе на Ударной. Мама его оплачивала, поэтому после школы я иногда заходил туда поесть. После обеда поднялся домой, разулся, снял ветровку и плюхнулся в кресло.

Я думал про дом на Подгорной. Там баба, папа, Вася, папин мотоцикл во дворе, бабина жареная картошка. А здесь

— так всё тесно. Два разных мира.

Но если бы меня спросили, что выбрать — я бы выбрал маму и общагу. Даже если тесно, даже если скучно.

И всё равно внутри сидела одна мысль: когда-нибудь у меня будет свой дом.

Я закрыл глаза и слушал, как за окном идёт дождь.

Глава 12. Денди и волнительное ожидание

Четверг выдался неожиданно жарким. Осень будто взяла паузу и подарила ещё один кусочек лета. С утра ещё было прохладно — шёл в куртке и шапке, но к обеду всё это уже тащил в руках и шёл только в одной футболке. Под ногами шуршали листья, в воздухе висел запах дыма — казалось, весь город дружно жёг ветки во дворах.

Костян сегодня пришёл в гимназию в костюме Adidas. Тройка — штаны, куртка и жилетка, на спине огромный трилистник. Для нас это был космос. Он крутанулся посреди класса:

— Ну как?

— Круто, — выдохнул я.

— Мамка на рынке взяла. Хочешь такой?

Я кивнул. Понимал, что у меня такой не скоро появится. Но захотелось ещё сильнее.

На завтра уроков не задали, и мама разрешила после школы поехать на Подгорную к бабе и папе. «Кайф, — думал я, шагая быстрее, — не делать уроки, впереди пятница, да ещё и баба с папой».

Я поднялся на пригорок к дому и замер у ворот. Во дворе пусто. Мотоцикла нет — значит, уехали. Интересно, а где

они? А вдруг придут поздно? Ладно, подожду — решил я.

Я зашёл, снял китель, бросил на стул и почти бегом подлетел к телевизору. Васина приставка Денди. Она была у нас дома с прошлых выходных. Подключить приставку — целая наука. Крутишь провода, настраиваешь антенну, ловишь сигнал. Сначала экран шипит и дёргается, потом вдруг загорается заветное CAPCOM. Я уселся поудобнее.

Первая игра, в которую я собирался играть, — Чип и Дейл. Про двух бурундуков-спасателей. Чип — серьёзный и ворчливый, любит детективы, возглавляет команду спасателей. Носит фетровую шляпу и лётную куртку. Дейл — ленивый, иногда проявляет безответственность и легкомыслие. Носит красную гавайскую рубашку с жёлтыми узорами. У него красный нос, выступающие передние зубы и хохолок на голове.

— Ну, Чип, держись, — пробормотал я, устраиваясь на полу.

Обычно я играл за Дейла, Васе доставался Чип. Но сегодня я был один — и это был мой шанс. Уровни сменяли друг друга, я кидался ящиками, прыгал, уворачивался. Дошёл до финального босса — и прошёл его с первого раза. Вскочил, сжал кулак. Даже обернулся в пустую комнату — как будто кто-то должен был разделить со мной эту победу.

Когда мне надоело играть в Чип и Дейла, я сменил кассету и запустил «Марио». Это была простая, но какая-то магическая игра: маленький усатый водопроводчик в красной кеп-

ке бежит по ярким платформам, прыгает по кирпичам, разбивает блоки головой, собирает монетки и спасает принцессу. Враги там были смешные — какие-то грибы, черепахи, странные существа, на которых нужно было прыгать сверху. Всё выглядело очень просто, но затягивало так, что можно было сидеть часами.

Мелодию я знал наизусть, но она всё равно щекотала нервы. В голове крутилось — как странно, что все дети по всей стране играют в одно и то же, и у всех родители говорят одно и то же.

«Не сиди близко — испортишь глаза».

«Не играй долго — кинескоп сядет».

Кто это вообще придумал? Но все верили. И мы с Васей верили тоже.

Хлопнула дверь. Я дёрнулся и поставил игру на паузу.

— Ого, — удивился папа, входя. — Ты как тут оказался?

— Да вот — мама разрешила, — пожал я плечами.

Баба заглянула с сумкой в руках и вздохнула:

— Тоська, напугал. Пришёл, а нас нет.

Они поставили на стол пакет — яблоки, пирожки, конфеты. Я первым делом полез по пакетам посмотреть, было ли что-то вкусненькое для меня.

Вечером мама должна была прийти за мной, и мы собирались поехать домой, на Ударную. Я знал это точно, поэтому после ужина начал поглядывать на часы и прислушиваться к каждому звуку во дворе.

Восемь часов — её нет.

Полдевятого — тишина.

Десять — снова пусто.

Я несколько раз выходил во двор, доходил до ворот, спускался к гаражам. Каждый раз сердце начинало биться быстрее — вдруг сейчас из-за угла появится мама. Но дорога оставалась пустой.

— Не переживай, сынок, — говорила баба, поглаживая меня по плечу. — Придёт твоя мама.

— Конечно, — поддакивал папа. — Работа. Задержали.

Но тревога только нарастала. Я даже не садился играть — просто сидел и прислушивался к каждому шороху.

Почти в одиннадцать дверь наконец скрипнула. На пороге стояла мама — уставшая, но с улыбкой.

— Сына, прости. На работе задержали.

Я прижался к ней и впервые за весь вечер выдохнул.

В тот день мы остались ночевать у бабы с папой. Я лёг на диван, слышал за стенкой их тихие разговоры. В доме уже погасили свет, всё постепенно затихало.

Мы были все вместе — мама, баба, папа. И меня это почему-то очень радовало.

Глава

Фотоархив (
главы 10–12)

В этих главах появляются люди и вещи, без которых я уже не представляю своё детство. Вася, бесконечные часы за Dendy, любимая игра, которую мы проходили снова и снова, и первый спортивный костюм, который заставил меня подумать: **«Когда-нибудь и у меня такой будет»**.

[Перейдите в фотоархив](#), чтобы увидеть людей и вещи, о которых шла речь в этих главах.

Глава 13. Разрушенный домик

Пятница пролетела незаметно, и я снова отправился к бабе. Я всегда говорил именно так — «я к бабе» — хотя на самом деле это означало дорогу на Подгорную, к папе и бабушке.

С вокзала я, как обычно, пошёл пешком. Сначала по улице, потом свернул в знакомые переулки, которые вели к Подгорной. Под ногами шуршали листья, ветер гонял их по асфальту. Осень уже стояла настоящая.

Во дворе стоял дядя Толя — в рабочей рубашке, рукава закатаны.

— Дядь Толь, здрасьте! Вася дома?

— Проходи, — буркнул он. — Спит ещё.

Я удивился — днём Вася обычно не спал. Захожу в дом, а он как раз натягивает носки, волосы растрёпаны, глаза сонные.

— Здорова, Вась!

— Привет, Тоська, — зевнул он. — Погнали домик строить?

— Погнали!

Домики для нас были не просто игрой. Для меня — особенно. Большинство ребят делали шалаши — четыре палки, тряпка сверху, листья. Красиво, но на два дня. Мне это казалось несерьёзным.

Я хотел строить как взрослые. Выкапывал ямы под столбы, обматывал их рубероидом, чтобы не сгнили, трамбовал кирпичами, если был цемент — заливал. Ставил лаги, придумывал двойные стены, между которыми засыпал золу или глину. Где-то доставал старые оконные рамы — делал окна. Даже дверь мастерил. С крышей всегда была беда — доски, полиэтилен, и всё равно при сильном дожде протекало. Но мне важно было не то, чтобы получилось уютно. Важно было чтобы по-настоящему.

Вася был другим. Ему нравился процесс, но не основательность. Мог помочь час — и убежать играть. А бывало и хуже — приходил и ломал. Не до конца, не чтобы уничтожить, а будто проверял: а что будет, если здесь нажать? Я злился, пару раз даже дрался с ним. Но через день всё равно снова был рядом. Потому что Вася — брат. Пусть не родной по крови, но для меня самый настоящий.

В этот раз строили вместе. Четыре столба уже стояли, задняя стенка совпадала с забором. Сегодня надо было укрепить лаги и набросать крышу.

— Давай гвозди, — сказал я.

— Щас, — Вася вытянул ладонь с пригоршней, явно гордый. — У деда стащил!

— Только не потеряй.

— Я? Да ты чё! — усмехнулся он — и тут же уронил один гвоздь в траву.

Мы оба заржали.

Пару часов пыхтели, стучали молотком. Я держал доски, Вася пытался прибить — и чаще попадал по пальцам. В итоге крыша держалась, стены намечались, и мне казалось, что выходит настоящий проект. Я даже поймал себя на мысли — вот бы однажды построить дом. Прямо настоящий.

Вечером был разговор с папой — спокойный, простой. Он рассказывал про работу, я делился школьными историями.

Утром я первым делом побежал к домику. И замер.

Крыша завалилась. Столбы перекошились. Всё выглядело так, будто кто-то нарочно приложил руку.

— Как так, — прошептал я.

Ветер? Нет — слишком явно поломано. Вася? Но зачем? Я его чем-то обидел? Или просто из вредности?

В груди поднялась обида, злость, недоумение. Первая мысль была — сейчас прибегу и дам ему кулаком. Васи дома не было. Я постоял, отдышался, успокоился.

Конечно, это был Вася — подумал я. Но он всё равно оставался для меня братом. Даже если ломал мои постройки, даже если я не понимал зачем. Я мог неделю на него злиться, не разговаривать, но потом всё равно шёл к нему.

В воскресенье после обеда вернулся домой. Вечером вернулась мама. Мы поужинали, поговорили немного. Завтра нужно было снова идти в гимназию.

Я лёг спать и долго не мог уснуть. Лежал и представлял, как буду строить домик заново. Но уже не просто домик во дворе, а настоящий — где-нибудь в холодной пустыне.

Сначала нужно поставить забор, чтобы дикие звери ночью не сожрали меня. А потом уже строить сам дом: столбы, стены, крышу. Всё по-настоящему.

С этими мыслями я и уснул.

Глава 14. Домашка в 5 утра

По дороге в гимназию снова думал про разницу между выходными и понедельником. Нас ведь с детства приучают жить от пятницы до пятницы. Даже говорят так — «среда — маленькая пятница», «среда пришла — неделя прошла». В пятницу все оживают, улыбаются, город будто светлеет. В понедельник — будто умирает.

Я шёл и думал — как же надо не любить свою работу, чтобы вечер воскресенья был хуже утра пятницы? Потому что после пятницы тебя ждут выходные, а после воскресенья — самый тяжёлый день недели. Даже солнце в эти дни светит по-разному — в пятницу золотое и тёплое, в понедельник серое и холодное. Я тогда не понимал, почему так устроено. Но внутри уже чувствовал — я не хочу жить от пятницы до пятницы.

— Следующая остановка «Вокзал», — раздался голос кондуктора.

Я чуть не проспал. Вскочил, двери уже почти закрылись — выскочил в последний момент, чуть не прищемило.

Пока бежал к гимназии, накрапывал дождь. В школе тепло и шумно, но сонное состояние никак не отпускало.

На уроке Костян, как всегда, нашёл чем заняться. Наклонился ко мне и тихо сказал:

— Толян, ты спишь что ли?

— Нет.

Он посмотрел на меня секунду и хмыкнул:

— Странно. А лицо такое, будто уже неделю спишь.

Я фыркнул.

— Да иди ты.

Кто-то из ребят рядом засмеялся. Костян довольный откинулся на стул, а я снова уставился в тетрадь. Голова всё равно не работала.

Пять уроков тянулись бы бесконечно, если бы не случай. Урок русского, Елена Анатольевна диктует текст у доски, в классе тихо. Костян тянет руку:

— Елена Анатольевна, можно выйти?

— Выйди.

Уходит в туалет — дверь туда была прямо из класса. Проходит минута, другая — и из-за двери:

— Тут бумаги нет!

Класс зашумел. Учительница махнула рукой на хозуголок:

— Ну возьми там.

Костян берёт целый рулон и скрывается за дверью. Через несколько минут выходит — с крошечным обрывком в руке.

— Вот, хватило, — говорит серьёзно.

Класс взорвался. Даже Елена Анатольевна прикрыла лицо рукой.

— Костя, ты невозможный.

К обеду дождь усилился, домой шёл уже промокший, капюшон натянут на голову.

Дома поел и сразу завалился спать. Проснулся только вечером, когда пришла мама. Поужинали, я сел за уроки — но ничего не шло. Глаза закрывались, в голове пустота. Сделал часть и просто уткнулся в тетрадь.

Мама сидела на диване, читала книгу и щёлкала семечки. Шелуха тихо падала в блюдце. Я за столом ковырялся в до-машке, зевал и всё чаще смотрел на часы.

— Всё, не могу уже, — сказал я, откладывая ручку.

Мама оторвалась от книги.

— Сынок, поставь будильник на пять утра. Встанешь пораньше и доделаешь.

Я вздохнул.

— Ладно, мам.

Поставил будильник и лёг на диван. Казалось, только закрыл глаза — и он уже зазвонил.

Утром во вторник с трудом поднялся. На кухне заварил чай, сел за стол и снова открыл тетради. Листы немногоплыли перед глазами, буквы расползались — но я всё равно писал и дописывал то, что не успел вечером.

С тех пор это стало обычным делом: если не успел вечером — доделаю утром. Тогда это казалось просто удобным решением проблемы того, что вечером очень хочется спать, а делать уроки нужно. Но я даже не думал, что такая привычка может закрепиться ох как надолго.

Глава 15. Коктейль в «Полиэксе»

Ноябрь подкрался незаметно. По прогнозу говорили: к концу недели ляжет первый снег. Но именно во вторник стояло нереальное для осени тепло — градусов пятнадцать, не меньше. Я пришёл из школы, а мама в этот день вернулась пораньше с работы.

— Сынок, давай сходим в ДК «Полиэкс», возьмём чего-нибудь вкусенького.

— Давай, мам! — у меня внутри сразу всё подпрыгнуло.

От нас до ДК идти минут пятнадцать — вроде рядом, а для меня тогда любое «пятнадцать минут» было целым мини-путешествием. Воздух пах мокрой листвой и осенними кострами, на асфальте шуршали жёлтые листья, ветер лениво переворачивал их «животиками» вверх.

Вдруг из-за деревьев перед нами вырос сам ДК «Полиэкс» — жёлтый гигант, который будто закрывает всю улицу. Фасад обращён к площади 9 Января, а перед фасадом — фонтан, который уже отключили на зиму. Само здание — как из советского альбома: массивные карнизы, строгие линии, «парадный» стиль тридцатых-сороковых, кирпич под штукатуркой, в плане — будто буква «Т». Ну прям дворец культуры, выглядел как настоящий дворец. Я каждый раз думал: «Вот это да. Не наш скромный двор, а целый комплекс: площадь, парк, фонтан... и это всё — рядом с моим домом».

Двери у дворца — такие тяжёлые, что их приходится тянуть со всей силы двумя руками. Мы зашли внутрь.

— Пойдём к стойке, — кивнула мама. — По карточке должны дать коктейль.

В те годы «карточка» — это отдельная история. Зарплату людям зачастую не выдавали, и у нас были фирменные талоны. Сначала по ним можно было взять много чего, потом — всё меньше и меньше: полки пустели, деньги становились сильнее бумажек. Наступил переходный период: за деньги был выбор, за карточки — «что осталось». Но иногда случалось маленькое чудо. Например, сегодня.

— Коктейль есть? — мама протянула карточку.

— Есть, — устало улыбнулась буфетчица. — Ванильный.

Машина начала пыхтеть, внутри взвизгнул моторчик. Мне выдали высокий стакан с пеной и тонкой трубочкой. Я сделал первый глоток — зубы обожгло от холода, но было невероятно вкусно.

— Ну как? — спросила мама.

— Самый вкусный на свете, — сказал я совершенно серьёзно.

Мы вышли к площади, сели на бортик фонтана. Солнце уже заходило за горизонт, на здании ДК начали ложиться длинные тени. Мама посмотрела на фасад, на парк, на людей.

— Красиво всё-таки!

— Угу, — я тянул коктейль, стараясь растянуть удовольствие.

От дворца мы пошли в парк — он тянется до улицы Васильева. По дороге заметили вывеску: «Библиотека семейного чтения».

— Зайдём? — мама кивнула на дверь.

— Пошли.

Год назад мама оформила меня сюда. Телевизора дома нет, телефонов у людей ещё тоже нет — книги стали моим кино и моим интернетом.

— Здравствуйте, — улыбнулась библиотекарь, женщина в очках на цепочке. — Читательский при вас?

— Да, — протянул я карточку с моей фамилией.

Пройдясь по рядам, я снова потянулся к Жюлью Верну. У него книги про приключения и путешествия.

«Двадцать тысяч лье под водой» — про подводную лодку и капитана Немо. Они плавают по океану, встречают разных морских животных, попадают в разные опасные места.

«Таинственный остров» — про людей, которые попали на остров и начали там всё строить сами: добыли огонь, сделали инструменты, построили дом.

«Вокруг света за 80 дней» — про человека, который поспорил, что сможет объехать весь мир за восемьдесят дней.

«Дети капитана Гранта» мне нравились меньше. Там тоже путешествие и поиски, но как-то медленнее всё шло.

А вот «Пятнадцатилетний капитан» мне особенно приглянулся. Там парень почти моего возраста остаётся за главного на корабле и ему приходится самому всем командовать.

Я взял эту книгу с полки.

— Эту возьмёшь? — мама одобрительно кивнула.

— Её, — положил я книгу на стойку.

Библиотекарь ударила штампом, приклеила «возвратить до...». Я взял книгу, прижал к груди — как будто сокровище. Мы вышли на улицу. Становилось прохладнее, но в душе у меня было тепло: коктейль, мама, библиотека — было очень уютно и спокойно.

По дороге домой мама рассказала, как в «Полиэксе» в прошлом месяце опять задержали зарплату, как спорили: «деньги или талоны», и как она выкручивалась — то карточки, то какие-то договорённости с магазинами. Я слушал и думал: как всё сложно у взрослых.

Дома я сел за стол и открыл «Пятнадцатилетнего капитана».

С первых страниц стало интересно. Там корабль, море, команда — и вдруг всё идёт не по плану. И парень почти моего возраста остаётся за главного.

Я читал быстро, иногда даже во время ужина. У нас дома это можно было. Мама сама иногда сидела с книгой за столом, поэтому никто меня за это не ругал.

Чем дальше я читал, тем сильнее втягивался. Уже не замечал ни комнаты, ни стола. Казалось, будто я сам на корабле — вокруг море, ветер, и нужно что-то решать.

Книга захватывала так, что не хотелось закрывать её даже когда глаза уже начинали уставать.

Мы с мамой допили чай. Она собрала кружки и отнесла их на кухню.

— Хороший сегодня день был, — сказала она.

— Ага, — ответил я. — Спасибо, мам.

Я лёг спать в хорошем настроении. В голове ещё крутились молочный коктейль, библиотека и книги Жюль Верна. День получился какой-то спокойный и приятный.

Тогда казалось, что так будет и дальше — обычные хорошие дни.

Но я ещё не знал, что уже в пятницу всё пойдёт совсем по-другому: сорванный урок, кабинет директора и первый серьёзный разговор в гимназии.

Глава 16. Сорванный урок

Пятница наступила как обычно. Уроки шли своим чередом, впереди выходные, настроение лёгкое. Учёба для меня тогда была чем-то обычным — не сказать что любил, но и не страдал. Просто надо ходить в школу — и всё.

В то утро я пришёл в гимназию раньше обычного. Конец ноября, на улице ещё темновато и холодно, всё вокруг серое и сонное.

Жёлтая лестница вела на второй этаж к нашему классу. Сразу возле класса была раздевалка — по обе стороны кабинки ещё со времён детского сада, с какими-то детскими рисунками. Смешно, конечно. Но мы сами были ещё дети — второй класс.

Со мной был Коля Снежко. Хотя вообще-то его звали Александр — до сих пор не понимаю, почему в гимназии его называли Николаем. Но для нас он был Коля.

Деревенский пацан из Первомайского. Невысокий, но крепкий, широкий в плечах. Я наоборот — высокий и худой. Мы с ним часто боролись. Помню, однажды он схватил меня сзади за шею так, что я даже вдохнуть нормально не мог — железная хватка. Я мог бы попробовать ударить локтем, но он держал так, что я просто не доставал.

В то утро мы зашли в раздевалку. Других ещё не было. Почему-то закрыли дверь изнутри и пошли в класс. Никако-

го плана не было. Просто так получилось.

Сидим, болтаем, ждём остальных.

Проходит время — никто не приходит.

— Слушай, а чё так тихо? — говорю я.

— Может, ещё не пришли, — отвечает Коля.

Сидим дальше. Уже почти девять. По расписанию сейчас должен быть молебен, потом уроки. А у нас пусто.

Оказалось, за дверью в это время уже собралась куча детей. Они стояли на лестнице с портфелями и одеждой и не могли попасть в раздевалку — дверь закрыта изнутри. На вахте ключа не нашли. Никто не понимал, что происходит.

Представляю эту картину — лестница полная ребят, кто-то злится, кто-то ноет, кто-то просто стоит. А мы сидим внутри и вообще не понимаем, что творится снаружи.

Вдруг открывается другая дверь, заходит воспитательница. Смотрит на нас — и глаза сразу круглые.

— Вы что здесь делаете?!

— Мы... просто сидим, — говорю я.

— Вы знаете, что из-за вас дети стояли на лестнице и не могли попасть в класс?!

Внутри всё сразу провалилось.

Дальше всё пошло быстро. Нас отвели к директору, вызвали родителей.

Кабинет директора всегда немного пугал — большой стол, тёмная мебель, серьёзные лица. Николай Иванович посмотрел на меня и сказал:

— Ну что, Анатолий. Ты понимаешь, что вы с Колей сорвали уроки?

— Мы не хотели.

— Хотели или нет — неважно. Из-за вас дети не могли начать занятия.

Потом вызвали маму.

Когда она зашла, я сразу понял, что всё плохо. Лицо у неё стало серым. Я стоял и только думал — лишь бы она не решила, что я какой-то хулиган.

Вечером дома мне досталось. Не ремнём — прутиком. Это больно. Но ещё обиднее было то, что всё из-за какой-то глупости. Просто закрыли дверь — и всё. Мама ещё и не отпустила на выходных к папе и бабе.

Я лежал вечером и думал — как так получается. Ты вроде просто живёшь, ничего плохого не планируешь. А потом вдруг оказывается, что ты уже виноват. И никто не спрашивает, хотел ты этого или нет. Просто отвечай за то, что получилось.

Глава 17. Баба Дуся и Дружок

Выходные я встретил дома, на Ударной. Мама с утра ушла по делам, я остался один.

Побродил по двору, покидал камушки в лужу, походил вокруг дома. Делать особо было нечего. У бабы в такие дни мы с Васей катались на велике или строили домики — там всегда находилось чем заняться. А здесь всё приходилось придумывать самому.

Иногда я играл в одну свою игру. Представлял, что управляю огромным роботом. Глаза — как приборы кабины, руки — рычаги управления. Иду по улице и будто переключаю передачи: первая, вторая. Если вокруг никого нет — ещё и рычагу мотором:

— Rrrrrr...

Вижу впереди горку — «переключаюсь» вниз, будто двигатель напрягается. И дорога сразу становится не такой скучной.

Во вторник после школы мне нужно было забежать домой к папе и бабе на Подгорную. Костян увязался следом.

Я немного напрягся. Честно говоря, не очень хотел, чтобы он видел, как мы живём.

Дом стоял почти в середине горы. Мы поднялись, Костян огляделся и вдруг спросил:

— И как вы вообще тут живёте?

Я опустил глаза.

— Да нормально, — пробормотал я.

Он пожал плечами и больше ничего не сказал. Внутрь даже не пошёл. Я быстро поднялся, взял что нужно и выбежал обратно. Мы пошли дальше, будто ничего не произошло. Но его вопрос у меня всё равно остался в голове. Неприятно было.

В среду после уроков позвонил маме.

— Мам, давай я после школы поеду к бабе Дусе. Ты вечером заедешь, и мы вместе домой поедem.

— Давай, — сказала она.

К бабе Дусе мы ездили мыться примерно раз в две-три недели. В нашей общаге ванны не было — только общий туалет и умывальник. Поэтому поездка всегда была отдельным событием.

Я сел на трамвай и поехал в район «Первый участок». Всего несколько остановок — минут десять — а ощущение, будто попадаешь в другой район города.

Дом у бабушки был девятиэтажный. На первом этаже магазин «Белла». Лифт поднимался со скрежетом, внутри тусклая лампочка и запах железа. Немного страшно, но всё равно интересно. Я нажал кнопку «5» и стоял, слушая, как лифт медленно ползёт вверх.

На пятом этаже меня встретил Дружок — маленькая белая болонка. Сразу начал прыгать и вилять хвостом.

— Толя пришёл! — крикнула из кухни баба Дуся. — Про-

ходи быстрее, суп остынет!

У бабы Дуси всегда пахло едой. А ещё сигаретами — дядя Витя часто курил в зале «Беломор».

Вообще у меня было три бабушки — родные сёстры. Баба Валя — мама папы, я уже про неё рассказывал. Ещё баба Дуся и баба Аня.

Баба Дуся была спокойная и добрая. С ней всегда легко — никогда не кричала, не ругалась. Могла посадить рядом и сказать:

— Ну, Толь, рассказывай.

И я мог болтать с ней долго — про школу, про друзей, про всё подряд.

Баба Аня была совсем другой. С ней у меня отношения не складывались — я её даже немного боялся. От неё всегда чувствовался какой-то холод.

Дружок был почти член семьи. Сам гулял во дворе, потом возвращался и скрёбся лапами в дверь. Когда баба Дуся приезжала к нам на Ударную с ночёвкой — и с ней ещё Дружок — для меня это был настоящий праздник.

Дядя Витя — её сын. С ним я почти не общался. Суровый, всегда чем-то недовольный. Не то чтобы делал мне что-то плохое — просто с ним было холодно. Я старался лишний раз в его комнату не заходить.

Я сел за стол. Баба Дуся поставила тарелку супа — как обычно немного пересоленного, это у неё была такая особенность.

— Ну как, вкусно? — спросила она.

— Вкусно, — кивнул я.

После еды играли в карты. Самая любимая игра — «пьяница». Потом пришла Анютка, моя старшая племянница, и стало ещё веселее. Смеялись, спорили, кто мухлюет. Я часто выигрывал, а если проигрывал — внутри сразу загоралось желание отыграться.

Потом баба Дуся сказала:

— Всё, давай иди мыться.

Ванна для меня была отдельным удовольствием. Я всегда набирал очень горячую воду — осторожно опускал одну ногу, потом вторую, казалось кипяток. Но потом привыкаешь и лежишь, как будто весь день смыло.

Правда, в голове всегда сидела мысль — только бы не перелить и не затопить соседей. Баба Дуся за это особо не ругалась, а вот дядя Витя мог накричать.

Мама приехала примерно в восемь вечера. Поужинали втроём, мама разговаривала с бабой Дусей и смеялась. Я в это время играл с Дружком — бросал ему мячик, он хватал зубами, тряс головой и приносил обратно.

— Баба Дусь, приезжай завтра к нам на Ударную, — вдруг сказал я. — С Дружком!

Она улыбнулась и поправила платок.

— Толя, мне завтра по делам надо. Да и дома дел полно.

— Ну баааб Дусь — хотя бы на одну ночь.

Мама засмеялась.

— Сына, ты хитрый. Хочешь, чтобы у нас дома праздник был.

— Да не хитрый, — сказал я. — Просто с бабой Дусей веселее.

Баба Дуся вздохнула и погладила меня по голове.

— В другой раз приеду, ладно?

Около десяти вечера поехали домой. Утром нужно было рано вставать, а уроки я с вечера так и не выучил.

Глава 18. У каждого своя правда

Последняя неделя ноября пролетела быстро. Наступила пятница, после уроков я пошёл к бабе.

Открыл дверь. Баба стояла у плиты, на сковородке шипело мясо. Запах стоял такой, что сразу хотелось садиться за стол.

— Ну садись, Толь, — сказала она. — Сейчас котлетки готовы будут.

Котлеты у бабы были особенные. Тоненькие, без хлеба и без всяких приправ — только мясо и мелко нарезанная картошка кубиками. Почти всегда немного пересоленные. Но от этого только вкуснее. Фарш она крутила сама, на старой мясорубке. У тёти Светы всё было по-другому — она добавляла приправы, «Галина Бланка», «Магги». А у бабы всё просто: мясо, картошка, соль. И всё равно вкуснее.

Поели, баба села рядом — немного передохнула и достала книгу.

Я сразу сказал:

— Баб, почитай.

— Сейчас поуправляюсь — и почитаю.

Она всегда так говорила — «поуправляюсь». Немного поворчит по дому, всё разложит по местам — и только потом садится спокойно. Баба была маленькая, худенькая, всегда в платочке. Почти никуда не ходила — только в магазин и

обратно. Любила говорить, что у неё давление как у космонавта — сто двадцать на восемьдесят. И даже немного этим гордилась.

Когда она читала мне «Федорино горе», я слушал и представлял всё как в кино — умывальник убежал, посуда убежала, потом всё вернулось обратно. И становилось спокойно — будто в жизни тоже всё всегда может закончиться хорошо.

Вечером во двор заехал папа на «Газике». Я сразу выбежал на улицу.

Мне всегда нравилась эта машина. Огромная синяя кабина, большие колёса — казалось, почти грузовик. Я часто рисовал такие машины в тетрадках и раскрасках. А когда папа иногда приезжал на обед прямо на «Газике», у меня дух захватывало. Бегал вокруг, трогал кабину, рассматривал колёса.

— Пап, ну можно посмотреть?

— Тоська, «Газик» — это работа, а не игрушка, — сказал он.

Но улыбнулся.

Сидели на кухне втроём — папа, баба и я. Я расспрашивал его про машины и про работу, он рассказывал, какие грузы возил, как ездил по городу. Я слушал и думал — у меня самый сильный папа.

Суббота прошла спокойно. Почти весь день играл с Васей — бегали во дворе, что-то строили, придумывали игры.

А в воскресенье ожидались гости.

Во двор подъехал старенький «Москвич-412». Приехали Лёля Вова, баба Аня и дядя Лёша. Машина остановилась у ворот, дверь скрипнула — и в доме сразу стало шумно.

Баба Аня была совсем другой, не как баба Дуся. С ней у нас никогда не получалось нормально общаться. Не умела разговаривать с детьми, редко хвалила, а если что-то было не так — могла сразу накричать.

У неё был дом в деревне Луговское. Мы иногда туда приезжали. Маленький домик с русской печкой, за домом огромный огород. Во дворе жила собака Рекс — огромная, то ли овчарка, то ли алабай. А ещё боевой петух — мог налететь на человека и взлететь на забор.

Мне было страшно, но я всё равно подходил и гладил. Думал — если не показывать страх, всё будет нормально. Не всегда работало. Но я продолжал.

Самое неприятное было другое. Баба Аня иногда говорила, что у неё что-то пропало — то украшения, то деньги. И намекала на меня. Такое же бывало и у Лёли Вовы.

Мне было восемь лет. Я не понимал, как можно подумать, что я способен что-то украсть.

Мама говорила:

— Не обращай внимания.

Но внутри всё равно было неприятно.

Вечером взрослые играли в карты. За столом сидели папа, Лёля Вова, дядя Толя и дядя Лёша. Карты шлёпались о стол, кто-то смеялся, кто-то ворчал.

— Ну что, козырь бубны, — сказал папа и подмигнул. — Сегодня «Газик» еле завёлся. Морозом прихватило. Груз тяжёлый был, мешки возили. Но ничего, справился.

— А я недавно в Барнауле был, обследование проходил, — сказал Лёля Вова, бросая карту. — Врач говорит, сердце как у молодого. Но таблетки всё равно пить надо. Аппаратура там новая — только в очередях стоишь по три часа.

Дядя Толя хмыкнул и бросил карту сверху:

— В Союзе такого бардака не было. И порядок был, и зелени больше. Земля настоящая была. А сейчас даже хлеб дорогой.

— Да ладно тебе, Толян. Было и тогда всякое, — махнул рукой папа.

— Зелено было, говорю! — упрямился дядя Толя.

Они переглянулись и засмеялись. Карты снова пошли по кругу.

Я сидел рядом и слушал. У каждого взрослого своя правда — у папы про «Газик», у Лёли Вовы про здоровье, у дяди Толи про прошлое. А у меня в этот момент всё было проще — вкус бабиных котлет и интерес, кто сейчас выиграет.

К вечеру гости начали собираться. Меня отвезли домой на Ударную.

Я сидел на заднем сиденье «Москвича», смотрел в окно и думал, что завтра снова в гимназию. Выходные прошли быстро. Только вроде начались — и уже всё.

Глава 19. Новогодняя сказка

26 декабря 1998 года. Небольшой мороз, градусов пять, в воздухе пахнет зимой — выпало очень много снега. Дворы пустынные, только кое-где из труб поднимается дым.

Мама держит меня за руку.

— Ну что, готов? Сегодня твоя новогодняя сказка.

Я кивнул. Внутри всё начало прыгать от предвкушения.

До ДК Химиков идти минут пятнадцать. Огромное жёлтое здание — монументальное, как дворец. Перед ним пустой обледенелый фонтан, вокруг в сумерках мигают фонари. Толпы родителей и детей заходят в тяжёлые двери, двери скрипят — и мы оказываемся в большом холле. Запах ёлки, мандаринов и чего-то сладкого сразу кружит голову.

В зале красные занавески закрывают сцену. Сверху хрустальная люстра, свет приглушённый. Дети шумят, кто-то уже трясёт пакет с конфетами. Я сел рядом с мамой и впился глазами в сцену.

Свет погас, раздалась музыка. Занавес медленно открывается. На сцене лес — нарисованные ёлки, картонные сугробы. Выходит Снегурочка в голубом сарафане, и весь зал сразу стихает.

— Дети, здравствуйте! Сегодня мы ждём Деда Мороза, но что-то его нет...

Из-за кулис выскакивает Баба-Яга. Хохочет, трясёт мет-

лой.

— А не будет у вас никакого праздника! Заберу я Новый год себе!

Зал взрывается: «Не-е-ет!» Я тоже кричу вместе со всеми.

Потом появляются Леший и Злой Колдун, который заморозил Деда Мороза в ледяной пещере. Снегурочка зовёт детей помочь:

— Ну-ка, ребята, позовём Деда Мороза!

Весь зал хором: «Дед Мо-ро-о-о-оз!»

Гремят бубенцы — и на сцене появляется он. В красной шубе, с посохом. Снегурочка кидается к нему, зал хлопает, я аж подпрыгиваю на стуле.

Дальше настоящая сказка — борьба Добра со Злом, смешные шутки Бабы-Яги, которая в итоге перевоспитывается, Леший, который помогает детям. И финал — Дед Мороз торжественно зажигает ёлку. Она стояла сбоку тёмная — и вдруг вспыхивает разноцветными гирляндами. Зал взрывается аплодисментами. У меня перехватывает дыхание.

После представления всех детей начали строить в очередь за подарками. Я жму мамину руку, сердце колотится. Дед Мороз лично кладёт в мои руки большой пакет.

— С Новым годом, парень! — говорит он, и борода у него шевелится так натурально, что я даже не думаю, что это может быть переодетый актёр.

Пакет я открыл уже по дороге домой. Целая гора конфет — шоколадки, карамельки, «Барбарис», вафельки. Начал с

«Киндера» и маленькой плитки «Алёнки». Мама улыбнулась:

— Ну хоть оставь что-нибудь на завтра!

— Оставляю — чуть-чуть, — ответил я.

Но знал, что половину съем уже вечером.

Шли по улице, фонари светят, в руках пакет с конфетами. Хорошо.

Через пару недель был фестиваль «Свет Рождественской звезды». Дети читали стихи, пели, разыгрывали сценки. Я никогда не выходил на сцену — боялся забыть слова или начать заикаться. Но смотреть со стороны было интересно. Особенно нравилось, когда зажигали свечи и все пели «Днесь Христово Рождество». Внутри становилось тепло — будто праздник пришёл по-настоящему.

А вот сам Новый год у нас дома был совсем другим. Точнее — его почти не было. Мама всегда относилась к нему нейтрально — говорила, что настоящий праздник это Рождество. Никаких столов, никаких салатов, которые потом до-едаешь три дня подряд.

Поэтому каждый раз, когда я приходил к Васе, чувствовал разницу. У тёти Светы всё было по-другому — полный стол, мандарины, салаты. И главное — её знаменитый печёночный торт. Мягкие коржи из печени, промазанные майонезом, пропитанные луком и морковью. На вид странный, на вкус — просто бомба. Я каждый раз просил кусочек побольше и ел с таким удовольствием, будто это лучший торт на

свете.

У нас с мамой Новый год проходил тихо, а у Васи шумно и весело. Я немного завидовал. Но обижаться не мог — у нас с мамой были свои маленькие радости, и мне хватало.

В тот год я особенно хотел посмотреть фейерверк. За несколько дней сказал папе:

— Пап, разбуди меня обязательно. Хочу увидеть салют.

— Хорошо, Тоська, разбужу, — кивнул он.

31 декабря лёг спать с этой мыслью, представлял разноцветные вспышки в небе. Но сон оказался сильнее. Мама потом рассказывала — они с папой трясли меня, звали по имени, свет включали. Я только ворочался и спал дальше.

Салют прогремел без меня.

Утром проснулся, первое что спросил:

— А салют был?

— Был, — улыбнулся папа. — Красивый, разноцветный.

Весь город гремел.

Я расстроился, но не сильно. Впереди ещё будет много салютов. А этот Новый год всё равно остался в памяти — подарок от Деда Мороза в ДК Химиков, сказка на сцене и печёночный торт у тёти Светы.

Впереди был новый — 1999-й год.

Глава 20. Тусклый Факел

Был март 1999 года, обычный вечер среды. Мама пришла с работы усталая, но как всегда старалась улыбнуться. Поужинали, и она вдруг сказала:

— Сынок, летом ты поедешь в санаторий-профилакторий «Химик».

Я насторожился. Слово «санаторий» я уже знал, а вот «профилакторий» слышал впервые. Прозвучало как что-то серьёзное.

— Мам, а где он? За городом?

— В Бийске, сынок. На первом участке.

Я кивнул, но внутри всё напряглось. Потому что сразу вспомнилось прошлое лето.

Лето 1998-го. Мне семь лет, только окончил первый класс. Мама сказала, что на заводе вместо зарплаты выдали путёвку в лагерь «Факел» — километрах в двадцати от города. Тогда казалось, прямо другое царство, так далеко.

Особой радости я не испытал. Но и не расстроился. Просто было волнение — я ведь тогда был очень домашним ребёнком. Без дворовых друзей, без игр в компаниях, общался в основном с Васей и взрослыми родственниками. Поэтому лагерь выглядел чем-то непонятным и даже пугающим.

День отъезда помню отчётливо. Большой автобус, полный детей, родители машут руками. Ехали через лес, мимо Ле-

соперевалки, дальше Одинцовка, потом село Фоминское. И вот на берегу Оби — лагерь. Нас построили, повели на медосмотр, проверили уши, горло. Всё строго.

Но самое тяжёлое началось потом. Я попал в отряд, где ребята были сильно старше — одиннадцать, двенадцать, а то и четырнадцать-пятнадцать лет. А мне всего семь. Там была своя дедовщина. Старшие держались кучками, дерзкие, громкие. Я вечно в стороне.

Подъём рано утром, зубы чистим ледяной водой, зарядка, потом спуск к реке. Купание — пожалуй, единственное, что по-настоящему нравилось. Но остальное — сплошное напряжение.

Часто приходилось драться. Старшие задирались, а я не умел дать отпор словом. Один раз впервые ударил мальчишку в нос. Мне тут же прилетело обратно — упал на землю. Нас разняли, но страх и злость внутри остались.

Я не плакал при всех. Только иногда, когда заходил в пустую комнату и никого не было — позволял себе пару слёз. В остальном держался.

Однажды во дворе лагеря я случайно зацепил плечом какого-то парня лет двенадцати.

— Эй, слышь, ты чё, сопля? — сказал он с кривой ухмылкой.

Я вздрогнул, сердце колотилось. Но вдруг выдохнул:
— Сам сопля, понял?

Слова вырвались сами, неожиданно даже для меня. Толпа

сразу оживилась:

— Ого, да он ещё и дерзкий!

Тут же последовал толчок в плечо. Я пошатнулся, но сжал зубы. Не заплакал.

— Чё, герой? Ну-ка, иди сюда!

Кулаки дрожали, но я поднял голову. Получил в нос — резко, больно, перед глазами поплыли искры. Рванулся вперёд и ударил его тоже, хоть и слабее.

— Ах ты гад! — он замахнулся снова, но кто-то из старших разнял нас. — Всё, хватит, мелких не трогаем.

Я отошёл в сторону, нос горел, глаза слезились. Внутри было и стыдно, и страшно, и гордо одновременно — хоть раз, но ответил.

Вечером тот же парень подошёл снова.

— Ну что, козёл, ещё дерзить будешь?

Я напрягся, сжал кулаки.

— Сам такой, — выдохнул я, хоть и дрожал внутри.

Толпа сразу окружила нас. Но в этот момент ворвались воспитатели — схватили его за шкурку, оттолкнули меня в сторону:

— Быстро оба в разные стороны! Хватит, вам тут не ринг!

Внутри было странное облегчение и разочарование сразу. Будто хотел доказать что-то — но не дали.

А ночью они отыгрались. Я спал, уткнувшись носом в подушку, и вдруг слышал тихий смешок. Просыпаюсь — полутёмная спальня, кто-то шепчет: «Тихо-тихо, не разбуди».

Утром встаю, все ржут. Смотрю в зеркало — усы и борода из зубной пасты, намазали густо.

— Красавец, Дед Мороз! — кричали старшие.

Я пытался оттереть, щёки горели от стыда. Ладно бы всем намазали — это хоть как традиция, хохма общая. Но нет — досталось одному мне. Все ржут, показывают пальцем, а я стою как клоун. Стиснул зубы и сделал вид, что всё равно. Хотя внутри хотелось провалиться сквозь землю.

Мама приезжала в выходные. Я попросил забрать меня.

— Мам, тут одни драки, я не могу так.

Она гладила по голове:

— Потерпи ещё недельку.

После очередной потасовки, где мне разбили нос и сломали краешек зуба, я снова попросил позвонить. И мама приехала. Помню тот момент — бегу к ней навстречу и всё внутри поёт. Дорога домой казалась самой лёгкой в жизни.

В лагере осталось всего пара светлых воспоминаний. Одно — настоящий самолёт, который там стоял. Огромный, с толстым лобовым стеклом. Мы с пацанами забирались внутрь и воображали, что летим куда-то далеко. Вот это было круто. Всё остальное — сущий ад, и я решил, что в лагерь больше никогда.

— Сын! — мама трясла меня за плечо. — Ты слышишь? Летом едешь в санаторий.

— Мам, — выдохнул я, возвращаясь из воспоминаний. — Ну ладно.

Перед сном долго ворочался. Мысли роились — а что если будет так же плохо, как в том лагере? Вдруг там тоже старшие ребята, драки? Желудок начал побаливать от тревоги.

— Ну всё, хватит думать, — тихо говорил я себе. — Это же не лагерь, а санаторий. Там всё по-другому.

Но другой голос внутри не унимался — а вдруг нет?

Я зарылся носом в подушку. Мама всегда приедет, если что. Приедет.

С этой мыслью и уснул.

Глава 21. Каникулы и горечь пива

Наступил май — а это означало одно. Заканчивался второй класс, и впереди было долгожданное лето. Хорошая новость.

Но была и плохая. В дружбе с Костяном что-то окончательно сломалось. Он всё чаще крутился с другими — шумными, дерзкими. Иногда всё ещё подходил, хлопал по плечу. Но это уже было не то.

Однажды на перемене при всех сказал:

— Толян, чё ты такой серьёзный всегда?

— Да нормально. С чего ты взял?

— Да ничего. С тобой скучно стало.

Ребята засмеялись. Я тоже улыбнулся — будто шутка. Но внутри кольнуло.

После этого мы стали общаться всё реже. Потом и вовсе перестали. Я не сразу это заметил — сначала казалось, просто день такой. Потом ещё один. А потом понял — всё, нет больше никакого «дружище Толян». Ещё недавно казалось — дружбаны навсегда. А оказалось — просто учились в одном классе.

На линейке выдали список литературы на лето и график посещения богослужений. Я сунул бумаги в рюкзак, вышел за ворота и бодро зашагал к бабе. Каникулы. Внутри было легко — будто ветер подталкивал вперёд.

— Баб, привет! Ну что, у меня каникулы начались!

— Толя, поздравляю, — баба улыбнулась. — А папа спит.

Тихо, не буди его.

— А почему, баб?

— Выпил. Вчера зарплату получил, пива купил.

Я заглянул в спальню украдкой. Шторы наглухо задёрнуты, на тумбочке две полторашки пива, третья пустая валяется сбоку. Телевизор бормочет, папа сопит. Я вздохнул. Не любил видеть его в таком состоянии. Хотя странно — когда он чуть-чуть выпивал, то становился добрым, разговорчивым, мог часами рассказывать. А трезвым бывал раздражительным.

Мама часто говорила мне:

— Сынок, не смотри на отца. У него гены. У тебя тоже — но ты должен быть сильнее. Алкоголь не для тебя. Ни капли. Иначе станешь алкашом.

Я кивал. А сам думал — да я и не хочу.

Папа спал, и я побежал к Васе. Но не успел добежать — он уже сам шёл навстречу.

— Ну чё, в трассы? — загорелись его глаза.

— Давай! Только подожди, я переоденусь.

Трассы были нашей любимой забавой конца девяностых. Маршруты придумывали сами — по двору и сараям, скорость и ловкость. Секундомер всегда у Васи. Он засекал, мы ставили друг другу рекорды.

Одна из простых трасс начиналась у торца дома. Надо бы-

ло пройти по фундаменту, держась за подоконники, дойти до угла, прыгнуть, пробежать дальше и залезть на сарай. Сарая прыгнуть — финиш. Для нас это было настоящим соревнованием.

Но были и чемпионские трассы. После сарая надо было взобраться на дерево, с ветки перелезть на крышу двухскатного дома, пройти по скользкому железу вверх до трубы, коснуться её рукой, потом спуститься на другой стороне и прыгнуть со стены высотой в два с половиной метра.

— Сможешь прыгнуть? — Вася хитро прищурился.

— Слабо тебе первому, — огрызнулся я.

— Щас покажу!

Он сиганул вниз, перекатился, встал как ни в чём не бывало. Я собрался с духом и тоже прыгнул. В коленях звенело, но выдержал. Мы оба заорали, будто победили в чемпионате.

Конечно, было страшно. Но страх всегда перебивался жаждой показать друг другу, что мы не слабые. Иногда мелькала мысль — если прыгнуть неудачно, можно больно удариться. Но в тот момент всё казалось игрой без последствий.

Наигравшись, я вернулся домой. Папа уже проснулся.

— Тоська, привет! — сказал он, протирая глаза.

— Привет, пап. С Васей в трассы играли. Я рекорд поставил!

Вечером сидели у телевизора — папа спорил с диктором, я задавал свои «почему». На тумбочке полупустая бутылка пива. Я смотрел на неё и не испытывал ни злости, ни осуж-

дения, ни тем более желания попробовать. Просто детское любопытство — почему мама говорит, что это плохо? Почему баба ворчит и ругает папу? А он всё равно пьёт — спокойно, будто так и должно быть.

Я тогда не думал, хорошо это или плохо. Просто так было — и я к этому привык.

Глава 22. Дядя Витя и крыша

На следующий день к нам приехал дядя Витя — сын бабы Дуси. Не просто в гости, а с делом: красить крышу.

На Подгорной крыша двускатная, металлическая. Раз в год её обязательно покрывали серебрянкой. Серебрянку папа приносил с работы, олифу добывал дядя Толя. Смешаешь — и получается краска. Хватает ровно на год: дожди смывают, и снова всё по кругу.

Сам папа на крышу никогда не лез — боялся высоты.

— Да ну вас! — говорил он. — У меня в глазах темнеет, если выше табуретки поднимусь.

Поэтому красил всегда дядя Витя. Но не бесплатно — за бутылку.

К вечеру половина крыши была окрашена, все сели ужинать. На столе жареная картошка, кусок сала и бутылка водки.

— Ну что, Вова, за дело! — поднял рюмку дядя Витя.

— А я водку не пью, — папа открыл своё пиво. — Мне после неё плохо.

— Ха, а после пива, значит, хорошо? — хмыкнула баба. — Сидят тут — один с «Беломором», другой с «Лучом». Хоть дымоход открывай.

— Ладно тебе, мамань, — улыбнулся папа. — Мы ж не каждый день.

— Не каждый день? — баба скрестила руки. — Вчера пиво, сегодня пиво. Завтра что, шампанское?

— Да ладно тебе, нянь Валь, — встрял дядя Витя, затягиваясь «Беломором». — Мужику надо расслабиться. Работа тяжёлая, нервы. Вот и всё лекарство.

— Лекарство, — передразнила баба. — Лучше бы дом покрасил без водки!

Они спорили, но без злости. Папа поддакивал дяде Вите, баба бурчала — но всё равно ставила на стол ещё тарелку картошки.

— Володь, ты всё ещё на «Газике» ездешь? — спросил дядя Витя.

— Ага. Сегодня по городу мотался. Машина хорошая, только старенькая уже.

— Зато железо настоящее, — вздохнул дядя Витя. — А сейчас всё фольга. В Союзе, скажу тебе, лучше было. И сало вкуснее, и трава зеленее.

— Да ну, — отмахнулся папа. — Попробуй сейчас колбасу купить — хоть какая-то есть. А тогда только по блату.

Баба встряла:

— А и правда. Раньше хоть работа у всех была. А сейчас — ни зарплаты, ни стабильности. Всё через карточки да через талоны.

— Всё равно, — упрямо гнул своё дядя Витя. — Союз он Союз. Жили лучше.

— Ага, — фыркнул папа. — Может, и лучше — только

сейчас я хоть машину водить могу, а тогда и мечтать нечего было.

Они могли спорить так до ночи — чередуя рюмку, затяжку и очередную байку.

Я сидел рядом и слушал. Но глаз не сводил с их сигарет. Настоящие «Луч» и «Беломор» выглядели взросло, даже загадочно.

А у нас с Васей были свои. Мы часто бегали в ларёк и покупали «детские сигареты» — шоколадные палочки, завернутые в белую бумагу. Выглядело один в один.

— Давай по одной, — говорил Вася. — Будем как взрослые.

— Давай, — отвечал я и старался копировать папины движения — шурился, выпускал «дым» и делал вид, что кашляю.

А потом с наслаждением разворачивал бумагу и ел сладкую начинку. Двойное удовольствие — сначала казаться взрослым, а потом вкусное лакомство.

— Видал, Тоська, — смеялся Вася. — Мы тоже курим! Только у нас вкуснее.

Мы хохотали и шли дальше по улице, держась так, словно в руках настоящие сигареты.

На следующий день дядя Витя похмелился и залез окрашивать вторую половину крыши. К обеду серебрянка блестела на солнце, а в огороде уже тянулся дымок из коптильни. Коптильню дядя Витя когда-то соорудил сам. В огороде

как раз шёл наклонный склон — там он выкопал небольшую яму, сложил из железа и досок что-то вроде коробки, а от неё вниз шёл дымоход. Внизу разводили огонь, дым тянуло вверх по трубе, и наверху медленно коптилось сало.

— Вот теперь другое дело, — сказал он, доставая золотистое сало. — Мужская работа должна заканчиваться мужской едой.

Тонкие ломтики, хрустящая корочка, запах дыма. Я мог есть его без остановки.

Так заканчивался приезд дяди Вити: крыша блестела на солнце, во дворе пахло копчёным салом, папа с дядей Витей курили и что-то обсуждали, а я просто сидел рядом и доедал ещё один кусочек.

Глава 23. Коробейниково

В каждодневных играх с Васей в трассы, вечерних прогулках на Подгорной и просмотре телевизора с папой и бабой незаметно пролетел первый месяц лета. Казалось, только вчера начались каникулы — а уже 28 июня.

В этот день я поехал поздравить маму с днём рождения.

— Мам, с днём рождения! — я протянул ей маленькую открытку, которую сделал сам.

— Спасибо, сынок, — мама улыбнулась и обняла меня. — Вот уже и июль скоро. И помнишь — мы поедем в Коробейниково.

— Опять? — немного наигранно протянул я.

— Да, Толя. Это важно. Каждый год туда нужно ездить.

Коробейниково — это слово ещё в детстве звучало для меня как что-то особенное. Не просто село, а место, куда каждый год стремились сотни людей. Мама говорила, что там хранится чудотворная икона Божьей Матери — Коробейниковская икона. В гимназии тоже часто упоминали — батюшки объясняли, что она прославилась многими исцелениями и что к ней приезжают паломники со всего Алтая и даже из других регионов.

Я тогда не понимал до конца, как это работает. В голове было просто — икона особенная, к ней приезжают молиться, и Бог через неё помогает. Звучало таинственно и даже

немного страшновато. Но все взрослые говорили об этом с такой серьёзностью, что я тоже проникался уважением.

Мама рассказывала:

— Толя, в Коробейниково приезжает очень много людей, и все идут крестным ходом, поют молитвы. Там бывает так красиво — свечи, службы, хор. Мы тоже поедem. Это очень важно.

Для меня это был не отдых и не праздник в привычном смысле, а скорее испытание — дорога, жара, долгие службы. Но я никогда не отказывался, потому что чувствовал — это часть чего-то большого, к чему я принадлежу вместе с мамой и гимназией.

Вечером 6 июля начали собирать вещи. Несмотря на то что ехать было всего-то сто пятьдесят километров, готовились основательно — полотенца, сменное бельё, еда на дорогу. И самое главное — большая канистра с водой.

— Мам, а зачем такая огромная? — я попытался поднять её, но она оказалась тяжёлой.

— Чтоб точно хватило, сынок. Там всегда толпы людей, а вода нужна и попить, и руки помыть.

Я вздохнул и вернулся к своим делам. В голове крутилось — зачем всё это, можно ведь дома остаться. Но вслух не сказал.

7 июля, раннее утро. У гимназии толпа. Автобусы выстроились вдоль улицы, гул голосов, запах солянки и жаркого асфальта. Тронулись.

Автобус качало на кочках, внутри пахло резиной и варёными яйцами — почти у всех в авоськах еда на дорогу. Я полез в пакет и взял крупный наливной помидор. Надкусил — и сразу проглотил слишком большой кусок. Он встал поперёк горла. Я закашлялся, глаза полезли на лоб, а кусок ни туда ни сюда. Всё внутри сжалось. Я уже посинел, когда мама сзади как треснула ладонью по спине — раз, ещё раз. Помидор наконец прошёл, я шумно вдохнул. Весь автобус обернулся. Мама бледная, глаза злые и испуганные одновременно.

— Толя, ты хоть жуй нормально! — сказала она шёпотом, но так, что я сразу понял — больше на дороге помидоры хватать не буду.

Автобус довёз нас до небольшого села. Здесь, на кладбище, стояла могила Доннушки — простой девочки, умершей ещё в XIX веке. Говорили, что она при жизни была очень кроткой, помогала людям, а после смерти на её могиле стали происходить исцеления. Поэтому каждый год, когда паломники ехали в Коробейниково, сначала останавливались здесь.

К могилке выстраивалась очередь. Женщины плакали, мужчины крестились, кто-то привязывал ленточки на крест. Батюшка читал молебен, хор пел тихо и протяжно. Я стоял, топтался, вертел головой — не понимал до конца, почему это важно. Но чувствовал в воздухе особую тишину и сосредоточенность. Даже дети рядом не шумели.

После молебна построились и пошли крестным ходом — три километра до самого Коробейниково. Солнце било прямо в голову, дорога пыльная, но все шли. Я тоже шагал рядом с мамой, таща ту самую канистру с водой.

— Мам, а долго ещё? — спросил я, уже еле плетясь.

— Видишь купола? Уже почти пришли.

К вечеру началась служба. В храме душно, свечи коптят, люди качаются от усталости. Я пытался стоять как все, но потом вышел к автобусу. Сел на ступеньки и смотрел, как взрослые ставят палатки.

Ночевали в школе. Огромный спортзал, душный, заваленный людьми. Тонкие матрасы, шёпот, скрип половиц. Я долго ворочался, вспоминал тот помидор и боялся заснуть.

Утро было ещё тяжелее. Служба длинная, бесконечная. Люди стояли смиренно, кто-то плакал, кто-то падал на колени. Я смотрел на них и не понимал — откуда у взрослых силы?

После службы снова сели в автобус. Солнце жгло, воздух дрожал над дорогой. Я прижался к маме плечом и думал только об одном — скорей бы домой.

Дорога назад казалась длиннее. Все устали, в автобусе стало тихо. Кто-то дремал, кто-то смотрел в окно. Мама тоже молчала, только иногда гладила меня по плечу.

Домой добрались уже под вечер. Знакомые улицы Бийска, двор на Подгорной, скрип калитки — всё вдруг показалось особенно родным.

Я сел на лавку во дворе и почувствовал, как сильно устал. Но вместе с усталостью пришло что-то ещё — тихое и спокойное. Будто мы сделали что-то важное.

С тех пор я долго ел помидоры осторожно — маленькими кусочками, медленно пережёвывая. Но со временем и это забылось.

Лето продолжалось. Мы снова играли с Васей в трассы, гуляли по Подгорной до позднего вечера, а дома смотрели телевизор с папой и бабой.

Глава 24. «Химик»

После Коробейниково пролетело две недели, и я всё острее чувствовал приближение 25 июля — начало смены в санатории-профилактории «Химик». Хотел ли я туда? Скорее нет, чем да. Неизвестность меня не манила, а пугала. С детства баба и иногда мама говорили «не рискуй». Я ещё не понимал, что риск бывает разный — глупый и опасный, вроде непристёгнутого ремня в машине, и разумный, как сменить нелюбимую работу или попробовать своё дело. Тогда для меня всё это было одно и то же, и санаторий в голове записывался не в «приключение», а в «опасно».

Вечером 24 июля я приехал к маме на Ударную — помыться, собрать вещи и лечь пораньше. «Химик» — это дневной санаторий, без ночёвки, и вечером мама будет забирать меня домой. Мы разложили на столе всё что нужно — полотенце, плавки, сменка, расчёска, мыло, зубная щётка, чтобы не забыть ничего.

— Сынок, давай так: утром вместе выходим, я на работу, ты в профилакторий, — сказала мама, аккуратно складывая полотенце.

— Мам, а если не понравится? — спросил я, больше чтобы спросить, чем спорить.

— Понравится не понравится — дело десятое. Полезно — точно, — улыбнулась она. — Вечером заберу.

— Ладно, — сказал я и сунул плавки в пакет. — Только чтобы не как в лагере. И первый раз давай дойдём вместе.

— Не как в лагере, — заверила мама. — Здесь всё рядом, в Бийске, на Первом участке.

Утром вышли вместе. Здание «Химики» светлое, коридоры длинные, в воздухе стойкий аптечный запах — что-то между йодом, марганцовкой и чистым полом. Я сдал сменку, узнал распорядок: процедуры, свободное время, обед, тихий час с часу до половины четвёртого, полдник в четыре, потом занятия и ужин — и к шести-семи можно ждать маму.

Первая процедура — хвойная ванна. Большая чугунная ванна, вода горячая, пахнет лесом. Медсестра в белом халате поставила песочные часы на бортик:

— Десять минут, как песок пересыпется — вылезай.

Я лёг, и сразу стало кайфово — тепло, спокойно, можно просто валяться и ничего не делать. Смотрю, как песок сыпется, и думаю — блин, сейчас закончится.

И как-то само получилось — перевернул часы обратно. Потом ещё раз.

А потом понял — так можно делать сколько угодно. Полежал — перевернул. Ещё полежал — снова перевернул. В итоге вместо десяти минут выходило пятнадцать, а иногда и все восемнадцать. И мне это прям нравилось.

Следующая процедура — физио для горла. Садись в кресло, вокруг ставят четыре конусные трубки, включают свет.

— Рот приоткрой, дышать спокойно, — говорит медсестра.

Во рту появлялся странный металлически-марганцевый привкус — неприятно, но терпимо. Я сидел и думал, будто меня чинят, как технику в мастерской.

Обед у нас был обычный — суп, каша, котлета. Я ел как положено, но без восторга. Зато полдник был кайф. В четыре приносили апельсиновое желе в стеклянных пиалках, и я растягивал удовольствие до последней ложки — это был маленький праздник посреди дня.

Иногда нас возили в бассейн «Заря». Большая чаша сверкала синевой, но нас, мелких, пустили только в детскую ванну — и это было честно, плавать я толком не умел. Я бултыхался, цеплялся руками за бортик, отпускал, снова цеплялся — и украдкой смотрел на большую воду, где, как мне казалось, плавали уже почти космонавты.

Дни пошли один за другим — удивительно быстро. Утром аптечный коридор и процедуры, в полдень столовая, после тихий час — спать я не всегда мог, лежал и думал о трассах с Васей и о том, как бы успеть ещё три минутки в хвойной ванне. В четыре моё любимое желе, потом то зарядка, то игры во дворе, то снова кабинет с лампами.

Самое волнительное — вечера. По плану мама забирала меня после работы. Я вышел к шести на крыльцо, сел на лавку и стал ждать.

Шесть часов.

Мамы нет.

Я посмотрел на часы, потом на ворота. Посидел ещё немного, встал, прошёлся до ворот, выглянул на дорогу — никого. Вернулся обратно, сел.

Шесть десять.

Я снова встал. Постоял у ворот, посмотрел по сторонам. Где она? — мелькнуло в голове.

Иногда затягивалось до без двадцати семь, до семи — и внутри начинало неприятно покалывать.

Я уже не сидел — ходил туда-сюда, то к воротам, то обратно к лавке.

— Мальчик, не волнуйся, придёт, — сказала какая-то женщина, видимо из персонала.

— Угу, — ответил я.

Но легче не становилось. Я снова пошёл к воротам.

Когда мама наконец появлялась, я сразу её замечал. И внутри как будто отпускало.

— Прости, задержали, — говорила она. — Пошли домой, герой. Как день?

— Нормально. В ванне лежал, — ответил я. И чуть тише добавил: — Минут на пять дольше.

— Ох уже этот ты, — мама качала головой и улыбалась.

Идти домой было приятно. Тёплый вечер, мама рядом, пакет шуршит в руках.

Я думал — зря боялся. Всё оказалось нормально. Не страшно.

Но у папы с бабой всё равно было интереснее.

Дома я положил пакет с плавками у двери, чтобы утром не искать.

Выключил свет, лёг.

Завтра уже не так страшно.

Глава 25. Большая обида

Заканчивалась вторая неделя в «Химике». Июль тихо перетёк в август, но дни стояли тёплые — даже вечером воздух был мягким, и казалось, лето никуда не уходит.

К санаторию я уже привык — процедуры, обеда, полдни-ки с желе, игры во дворе. Каждый вечер мама забирала меня домой, и дорога от «Химика» до Ударной стала чем-то привычным.

Шли через дворы старых двухэтажных домов — целый квартал между улицами Васильева, Горно-Алтайской, Социалистической и Ленинградской. Дома казались мне большими, хотя на деле обычные — розовые, обшарпанные, с одним подъездом и дверью, которая почти всегда была открыта настежь. Из подъездов тянуло варёной картошкой, кошками и сыростью. Неприятно, но интересно. Я иногда специально вдыхал и думал — там внутри какая-то своя жизнь.

И вот в одном из таких дворов случилось то, что я запомнил надолго.

Идём значит мы с мамой, держимся за руки. Мне спокойно — мама рядом, значит всё нормально. И вдруг слышим крики.

В глубине двора компания подростков — человек пять, может больше — окружила девчонку и что-то ей выкрикивала. Мама сразу остановилась.

— Толя, подожди. Они же её обижают. Так нельзя.

Отпустила мою руку и шагнула вперёд.

— Ребята, что вы творите? Нельзя так разговаривать! Вы же девушку оскорбляете! Перестаньте!

Я замер. Мне казалось — сейчас они притихнут. Всё-таки взрослая женщина сказала.

Но вышло иначе.

Один из пацанов — рыжеватый, в растянутой майке — шагнул вперёд:

— А тебе какое дело? Иди своей дорогой, овца очкастая!

Другой сразу подхватил:

— Да, да, проваливай отсюда!

У меня внутри всё резко сжалось. Я сжал кулаки. Хотел сорваться и бежать на них — налететь и бить, не думая. В груди стало тяжело, и я вдруг понял, что у меня на глазах слёзы.

— Мама, — тихо сказал я. — Давай я...

Она крепко сжала мою руку.

— Нет, сынок. Пойдём. Не смотри на них.

Мы пошли дальше. Я шёл рядом, но внутри всё кипело. Хотелось обернуться, что-то крикнуть, сделать хоть что-нибудь. Я отворачивался, чтобы мама не увидела мокрые глаза.

Как они могли так сказать — крутилось в голове. Это же мама.

Дома зашли молча. Мама закрыла дверь, сняла платок, поставила сумку. Я стоял рядом и не знал, что делать. Она

посмотрела на меня и сразу всё поняла — мама редко ошибалась в таких вещах.

— Ну что, сынок? — спросила тихо.

Я отвернулся.

— Они тебя оскорбили, — начал я. Слова застряли. — Я хотел...

И дальше не смог.

Мама подошла, села рядом и обняла так, будто этим объятием закрывала всё, что было снаружи.

— Я слышала, — сказала она. — Знаю, что тебе обидно.

— Мне хотелось их ударить, — сказал я тихо. — Чтобы им стало плохо.

Мама помолчала.

— Понимаю, — сказала она. — Но кулаками ничего не решишь. Ты хотел меня защитить — это правильно. Но если бы полез драться — стало бы только хуже.

— А почему они так говорят? — спросил я. — Зачем?

Она вздохнула:

— Бывает, люди так себя ведут. Им кажется, что так они сильнее. Но это не сила. Сила — это когда ты можешь не опуститься до этого.

— Значит, надо просто молчать?

— Нет, — сказала мама. — Можно сказать, что так нельзя. Но спокойно. А если не получается — лучше уйти. Главное — не становиться таким же.

Я запомнил это, хотя тогда не до конца понял.

— Мам, а тебе не страшно было?

Она улыбнулась:

— Немного. Но я не могла пройти мимо.

Мне стало легче. Я прижался к ней плечом.

— Я не буду драться, — сказал я. — Попробую по-другому.

— Вот и хорошо, — сказала мама и поцеловала меня в лоб.

Мы посидели молча. За окном кто-то разговаривал, где-то работал телевизор. Я уже не злился так сильно. Просто было неприятно.

Но рядом была мама — и этого было достаточно.

Глава 26. Подготовка к школе

Лето между вторым и третьим классом пролетело быстро. И вдруг уже сентябрь — пора в школу. Я вроде и ждал встреч в гимназии, но если честно — не хотелось снова в уроки, звонки и домашние задания. А вот к покупкам для школы я относился совсем иначе. Это был настоящий праздник.

Вечером мама пришла с зарплатой и премией.

— Сынок, завтра поедem на рынок. Надо тебя собрать к школе. Туфли, брюки, рубашку, носки — ну и канцелярию.

— Ура, поехали! — подпрыгнул я.

Мы называли это «ехать на базар». В Бийске тогда было три больших рынка — Центральный на Сенной, Приобский возле Детского мира и Привокзальный. Самый ближний и самый родной для нас был Привокзальный, туда и отправились.

Я сразу вспомнил, как зимой мы приходили сюда за одеждой. Раздеваться приходилось прямо там, на морозе. Стоишь в носках на куске картона, который продавщица бросала под ноги. Дышишь паром, мама торопит — «давай быстрее, чтобы не простыть» — а тебе накидывают новые штаны или куртку, холодные как лёд. Сначала неприятно, потом согреваешься. Я терпел и знал — новые вещи того стоят.

День выдался длинным, ноги быстро начали уставать от бесконечных рядов. Но мне всё равно было интересно —

столько всего вокруг.

— Примеряй, — мама подала мне первые туфли. Чёрные, блестят.

— Мам, жмут, — скорчил я рожицу.

Продавщица усмехнулась:

— Ничего, разносятся.

— Не хочу, — упрямо сказал я. — Другие давайте.

Мы перемерили кучу пар, пока не нашли те самые — мягкие, удобные, но строгие. Я ходил по дощечкам и смотрел на них. Вот теперь нормально.

Потом были брюки, белая рубашка.

— Ещё пару трусов, пять пар носков — и можно не переживать, — говорила мама.

Я фыркнул, но спорить не стал.

Самое интересное — канцелярия. Мы зашли в отдел с тетрадями, ручками и дневниками. Я брал в руки линейки, рассматривал обложки, выбирал.

— Мам, можно зелёную ручку?

— Зачем тебе зелёная? Пиши синей.

— Она красивая!

— Ладно, одну возьми.

Учебники покупали в книжном на Митрофанова. Мама долго проверяла, чтобы всё совпадало — иначе потом в классе путаница.

Потом подошли к рядам с портфелями. Мой старый уже разваливался. Я хотел модный — как у старших, на одной

лямке.

Но мама выбрала обычный.

— Смотри, Толя, крепкий. Всё поместится.

— Ма, ну он же как у малышей...

— Зато надолго.

Я вздохнул, но всё равно радовался — новый портфель есть.

Ходили почти весь день. К вечеру ноги гудели, но настроение было хорошее — всё купили.

И тут я увидел пуховик. Синий, яркий.

— Мам, давай примерим?

— Сынок, у нас нет денег. Нам ещё кушать надо.

— Мам, ну давай хотя бы померим...

Она уже хотела отказать, но продавщица вмешалась:

— Вашему мальчику очень идёт.

Мама посмотрела на меня, потом на куртку.

— Давай, примеряй.

Я надел — и снимать уже не хотел.

— Ладно, берём, — сказала мама.

У меня внутри всё подпрыгнуло.

Шли домой с пакетами. Руки тянуло вниз, но мне было вообще всё равно. У меня теперь всё было — туфли, рубашка, тетради, новый портфель. И главное — пуховик.

Я думал только об одном — когда уже зима, чтобы его надеть.

Про школу думать не хотелось.

Глава 27. Новички

Сентябрь пришёл как-то резко. Я вроде и понимал, что каникулы не могут длиться вечно — но всё равно, просыпаясь утром и глядя в окно, где ещё вчера было лето, ощущал, что в воздухе уже пахнет школой. Особенно отчётливо это было видно по трамваям — длинные, грохочущие железные коробки тянулись по рельсам в утренних сумерках с включёнными фарами, и их свет как будто специально говорил: парень, лето закончилось.

Утром мама поправила мне воротник.

— Красавец. Ты уже такой большой. В третий класс идёшь.

Я усмехнулся, потому что внутри себя этого «большого» не чувствовал. Третий класс — ну что это, если сравнивать с шестиклассниками, которые казались мне уже почти взрослыми. У них были свои тайны, ухмылки и манера ходить так, будто они давно поняли то, что мне ещё только предстояло узнать.

На линейке нас предупредили — теперь наш класс станет больше. Филиал гимназии с Ленинградской улицы объединяли с нашим. Это было странно и тревожно одновременно. Кто там будет, какие новые ребята придут, будут ли сильнее, умнее — или подружмся?

На следующий день, во вторник, пришли на утренний мо-

лебен. По вторникам служил батюшка, а это означало не двадцать минут, а все сорок или пятьдесят. Комната была переполнена — всюду висела одежда, в углу стопки обуви, вещи новых учеников, которым ещё не выделили свои кабинки.

Я огляделся и сразу заметил двух человек, которых невозможно было не отметить. Как я узнал позже, их звали Таня* и Саша. (*Некоторые имена изменены, чтобы не создавать лишних воспоминаний и неловких ситуаций, но те, кто учился со мной, без труда догадаются, о ком речь.)

Таня была высокой, стройной, и в ней сразу выделялось что-то, чего у других не было. Не столько сама внешность, сколько стиль одежды, рюкзак — всё это не походило на наши обычные рубашки и старенькие ранцы. Потом я узнал, что всё это покупалось не в Бийске и даже не в России, а за границей, в поездках. Для меня это было чем-то новым и странным — я такого раньше не видел.

Саша был полной противоположностью по типу — невысокий, светловолосый, и при этом ни капли не скромный. Он свободно разговаривал и со взрослыми, и с детьми, мог подойти первым и пошутить, мог заговорить так, что вокруг сразу собиралась компания.

Первым к нему подошёл Костян.

— Привет, ты кто? — спросил он, поправляя пиджак.

— Я Саша, — легко ответил тот. — А ты, походу, главный тут?

— Ха, главный — это сильно сказано. Но весёлый точно я.

— Ну, значит, будем вдвоём веселиться, — улыбнулся Са-ша.

Я смотрел на них и понимал — у Костяна была заводная дворовая харизма, а у Саши что-то другое. Он мог стать лидером. Он будто уже тогда умел управлять вниманием, задавать тон и притягивать к себе.

Примерно через пару недель я оказался у Сани дома. И это был совсем другой мир.

Квартира огромная, с белыми колоннами и ремонтом, который для конца девяностых выглядел просто как из фильма.

В его комнате стояли Лего-наборы, которые я раньше видел только в журналах — с гидравликой, с моторчиками, с целыми движущимися механизмами. Я потрогал кран, который не просто стоял, а реально поднимал стрелу, двигал влево-вправо. Это казалось настоящей магией.

— Нравится? — спросил Саня.

— Да это же как настоящее, — только и смог ответить я.

Кроме того, у него была приставка Sega Mega Drive 2, цветной телевизор с пультом и даже радиотелефон. Я долго крутил его в руках, разглядывал кнопки и антенну, думал — какая-то космическая технология. Всё это было настолько далеко от моего быта на Ударной, что внутри возникало странное чувство — восторг и зависть одновременно.

Когда шёл домой, в голове стучала одна мысль — как жить так, чтобы у меня тоже всё это было? Но рядом сразу вста-

вала стена — это невозможно. Всё уже предрешено. Кто-то родился здесь, кто-то там. Я вряд ли смогу пробиться.

В этом было что-то обидное. Будто я понимал — есть другие уровни жизни, но путь туда для меня закрыт.

Хотя... А вдруг смогу? А вдруг есть способ?

Глава 28. Смена симпатий

После первого сентября прошло уже почти два месяца. Я успел привыкнуть к новым ребятам из филиала. С Костяном мы всё ещё иногда пересекались, но дружбы уже не было. А вот Саня оказался особенным. С самого начала чувствовалось — у него есть какое-то другое качество. Не просто разговорчивость, как у Костяна. Он легко общался и со взрослыми, и с одноклассниками, брал внимание на себя. С ним было непросто — хитрил, любил выкрутиться в свою пользу, иногда прям бесил. Но рядом с ним никогда не было скучно.

А ещё в нашем классе с самого начала училась Маша. Она была с нами с первого класса, и если честно — в первом я больше смотрел на Катю. Но начиная со второго всё изменилось. Я всё чаще стал замечать Машу, и чем больше видел, тем больше понимал — она мне нравится. Наверное, на это повлияло и то, что весной, ближе к концу второго класса, я начал ходить в группу продлённого дня. И именно там, на продлёнке, я проводил больше времени рядом с ней.

Маша была дочкой Елены Анатольевны, нашей учительницы по русскому. Всегда собранная, круглая отличница — у неё всё было идеально. Аккуратная коса, тетрадки сложены ровной стопочкой, почерк красивый и ровный, будто из учебника. У нас, пацанов, всё было наоборот — тетради с загнутыми уголками, ручки потерялись, записи кривые. А у

неё по-другому. Она была примером.

И вот там, на продлёнке, я однажды решился.

— Маша, — сказал я, пока мы сидели и делали уроки. —

Ты мне нравишься.

Она удивлённо посмотрела и улыбнулась:

— Правда? А почему я? Почему не другие девочки?

— Ну — потому что ты красивая, умная. И мне просто с тобой нравится.

Она не отвернулась, не засмеялась, не сказала ничего обидного. Приняла мои слова спокойно. Мне показалось — уже какой-то знак. Моя симпатия продолжалась почти полтора года. И всё бы, может, шло так и дальше, если бы не Таня.

Она сразу бросалась в глаза — высокая, стройная, симпатичная, одета совсем не так, как все мы. Даже рюкзак был особенный. Всё это точно куплено не на рынке в Бийске. Потом я узнал — вещи ей покупали за границей, в поездках с родителями. Иногда Таня пропадала на недели.

— Ты где была? — спрашивали её девчонки.

— В Тае, — спокойно отвечала она.

А в другой раз:

— Мы во Вьетнаме были.

И всё это говорилось с такой лёгкостью, будто обычная поездка на дачу.

В гимназию она приезжала на золотистом Toyota Harrier 1999 года с водителем. Для меня это был космос. Я тогда

только начинал разбираться в машинах, но уже понимал — это уровень. А её бабушка, тётя Лида, ездила на белой Toyota Carina 1993 года. Даже эта машина казалась невероятной по сравнению с нашими «Жигулями» и «Москвичами».

Мама и бабушка Тани были связаны с ресторанным делом — они стояли у истоков этой сферы в нашем городе. А её отец был спортсменом, которого позже я видел на фотографии рядом с самим Владимиром Владимировичем.

Всё это вместе создавало вокруг Тани ощущение другого мира. Мира, который был рядом — но в то же время казался недостижимым.

Я не знал, что именно во мне отзывалось сильнее — её красота и уверенность или вся эта аура дорогой, другой жизни. Но я ловил себя на том, что думаю о ней всё чаще.

С Машей я мог говорить, признавался ей. Но от этого дальше ничего не шло. А с Таней я даже не пробовал — только смотрел издали, иногда пытался завести разговор. И понимал — слишком разный у нас уровень.

Иногда делился с мамой своими симпатиями. У нас были доверительные отношения, и я мог рассказать — мам, мне нравится Маша, или — мам, вот Таня красивая. Мама слушала, улыбалась, иногда шутила. Но однажды, когда я рассказал про Таню, она посмотрела на меня серьёзно и сказала: — Толя, сынок. Это слишком другая семья.

И в этот момент что-то оборвалось внутри. Я понял — надежды нет. Всё, что я могу — просто смотреть со стороны.

Симпатия к Маше постепенно уходила, а к Тане наоборот крепла. Если раньше я был уверен, что мои чувства к Маше самые сильные — то теперь всё изменилось. Между двумя симпатиями побеждала вторая.

Глава

Фотоархив (
главы 13–28)

В этих главах мой мир становится всё больше. Аккордеон и первые серьёзные занятия, рынок перед новым учебным годом, вещи, о которых можно только мечтать, и люди, у которых, как мне тогда казалось, совсем другая жизнь. Именно тогда я всё чаще ловлю себя на мысли: «Вот бы однажды и у меня так было.

[Перейдите в фотоархив](#), чтобы увидеть места, людей и вещи, о которых шла речь в этих главах.

Глава 29. Тревога

Ноябрь 1999 года выдался на удивление тёплым. Если в прошлом году в это время уже скрипел снег под ногами, то теперь первую неделю можно было спокойно ходить без шапки, а то и в одной футболке под ветровкой. Учёба шла своим чередом, ничего особенного. Я всё так же продолжал заниматься на аккордеоне — только теперь не в гимназии.

Во втором классе мы занимались прямо у нас, в спортивном зале. А с этого года всё изменилось — Лилия Владимировна больше не приезжала, теперь нужно было ездить к ней. Новое место оказалось совсем рядом — на Ударной, буквально в десяти минутах от дома. Здание — розовое, двухэтажное, стояло прямо на территории стадиона «Прогресс». По виду — будто обрубленная пятиэтажка.

График занятий тоже поменялся. Раньше ходил в понедельник и среду, теперь по вторникам и четвергам.

В один из тех ноябрьских вечеров я, как обычно, вернулся из гимназии, поел, немного отдохнул и побрёл на урок. Особого энтузиазма не было — ни лени, ни радости. Просто нейтрально. Как привычное дело.

Разбирали новое произведение. Сначала правая рука — клавиши, потом левая — партия басов. Обычно, чтобы выучить полностью, требовалось около десяти занятий: по две-три недели на каждую руку, потом ещё столько же, чтобы со-

единить. И ещё десять — чтобы отточить. Звучало долго, но время пролетало быстро, особенно когда уже начинало получаться.

После урока вышел на улицу, вдохнул прохладный воздух — пахло листвой и где-то вдали чем-то горелым. На улице уже темнело. Дворы пустые. Дошёл домой, снял куртку, сел в кресло возле входной двери.

— Уроки потом сделаю, когда мама придёт, — сказал я сам себе.

Около часа я играл в водителя — оборудовал на столе своё водительское место: тарелка вместо руля, советский калькулятор, который включается в розетку, вместо монитора. Потом немного походил по комнате, посмотрел в окно — на улице уже совсем стемнело, а мамы всё нет. Обычно она приходила с работы около половины седьмого.

Прошло время. Стрелка на часах ползла к семи.

Потом к половине восьмого. А мамы всё нет. Я начал нервничать.

Минут в двадцать восьмого я не выдержал, накинул куртку и вышел на улицу. Фонари горели тускло. Прошёл до следующего дома, потом до остановки, заглядывал в каждое лицо — может, вот сейчас выйдет из трамвая. Но её не было.

Вернулся домой, сел в кресло, потом снова встал. В груди начало неприятно тянуть, внутри всё сжималось.

— Ну где ты, — шептал я сам себе.

Спустился вниз, на вахту, попробовал позвонить в «По-

лиэкс». Набрал номер — трубку никто не брал.

Время тянулось. Полвосьмого. Восемь. Без пятнадцати девять. Я уже не знал, что думать. Вышел ещё раз, дошёл до остановки, посмотрел вдаль — пусто. Проходили редкие автобусы, людей на улице становилось всё меньше. Снова вернулся домой, в уже опостылевшую пустую комнату.

И вот, ближе к девяти, я просто сел на край кровати и заплакал. Слезы текли сами по себе — не громко, не истерично, а как будто от бессилия. От того, что я ничего не могу сделать. Ни узнать, ни помочь, ни даже понять, где она.

Потом, совсем вымотавшись, поднялся, прошёл к окну и просто смотрел во двор.

И вдруг — стук в дверь. Сначала тихий, потом громче.

Я подскочил, побежал, открыл. На пороге стояла мама. Я бросился к ней, обнял со всей силы, уткнулся лицом в куртку и заплакал снова — теперь уже от облегчения.

— Сынок, Толя, ну что ты, — тихо сказала мама, глядя меня по голове. — Я же звонила, просила передать, что держусь.

— Где ты была, — всхлипывал я. — Я думал, с тобой что-то случилось.

— Всё хорошо, Толя. У нас сегодня был корпоратив, в лагере «Факел», за городом. Я позвонила в общагу, попросила вахтёршу передать тебе, чтобы не волновался. Видимо, не передала.

Я ничего не ответил. Просто стоял и держал её за руку.

— Уроки сделал? — спросила мама.

— Нет, — признался я. — Завтра утром встану пораньше, в пять.

— Опять в пять? — улыбнулась она. — Ну ладно. Главное, не проспай, сын.

Глава 30. Чудо

После той истории с корпоративом в «Факеле» прошло пару недель.

Близился декабрь, и наконец выпал настоящий снег. Ложился на ветки и крыши, и город становился белым и каким-то спокойным.

Вечером я сидел дома один. Свет настольной лампы отражался от мебели, в комнате было тихо. Мама опять задерживалась на работе — и хоть я понимал, что у неё просто смена затянулась, внутри всё равно начинало появляться то самое знакомое чувство. Лёгкая тревога, как будто что-то не так.

Я подошёл к полке с иконами.

У нас это был особый угол — мама с детства говорила, что это место силы, как маленький храм дома. Наверху стояли Богородица, Архангел Михаил и Матрона. А чуть ниже — икона Николая II и Царской семьи. Мама рассказывала, что её привозили в наш храм и прикладывали к оригиналу, к мощам, потом разрешили взять копию домой. Поэтому она считалась у нас самой сильной. Если просить о чём-то важном — то лучше перед ней.

Я встал перед полкой и тихо сложил руки.

— Господи, помоги маме, — сказал я почти шёпотом. — Пусть она сегодня придёт вовремя. Пусть всё будет нормально.

Я не читал никаких молитв — просто говорил как есть. Потом, когда внутри стало чуть спокойнее, начал повторять свою, привычную:

«Ангел-хранитель, спаси и сохрани, благословите, миленькие, на всех путях и дорогах, не оставьте, не отступите...»

Иногда я повторял её много раз подряд, пока не становилось легче. Обычно помогало.

Но в этот раз не помогало.

В доме было слишком тихо, и это только усиливало тревогу.

Я закрыл глаза и начал представлять владыку — епископа, который иногда приезжал в гимназию или служил на больших праздниках. Он казался мне самым главным в церкви. Высокий, в длинной мантии, с крестами на груди, в высокой митре. Когда шёл по храму — хор пел громко, а люди становились серьёзными.

Вот таким я хотел быть.

Дома я иногда играл в это. Надевал простыню как мантию, вырезал крест из картона и вешал на нитку. Вместо посоха — палка от швабры. Даже хотел сделать кадило, как в храме — но не знал из чего.

Мама иногда смеялась, проходя мимо:

— Толя, ты у меня скоро не архиерей, а патриарх будешь.

— Я владыка, — отвечал я серьёзно. — Самый главный.

Но в тот вечер я не играл.

Стоял перед иконами и смотрел на Николая II.

И вдруг заметил — икона как будто изменилась. Появился блеск, как будто поверхность стала влажной. Я сначала подумал — свет от лампы. Подвинулся в сторону — нет, блеск остался. Подошёл ближе и увидел: по иконе идут маленькие капли. Запах был сладкий, немного как масло.

Я аккуратно дотронулся пальцем. Оно было тёплым.

— Господи, — тихо сказал я и отступил на шаг — просто от неожиданности.

Стоял и смотрел, не двигаясь. И постепенно внутри становилось спокойно — как будто всё уже решилось и больше не нужно переживать.

Через несколько минут в коридоре слышались шаги и щёлкнул замок.

Мама вошла уставшая, но с улыбкой.

— Сынок, прости, задержалась. У нас отчёт был.

— Мам, — сказал я серьёзно. — У нас икона мироточила.

— Что?

— Вот, Николай Второй.

Мама подошла ближе, внимательно посмотрела.

— Да, правда, — сказала она тихо. — И пахнет как-то особенному.

Я кивнул.

— Я завтра скажу в храме, — добавила она.

На следующий день рассказала. Священник сказал — такое бывает, когда человек молится искренне.

— Значит, сильно просил, — сказал он.

Я тогда до конца не понимал, что это было. Но после этого мне стало спокойнее — и когда оставался один или начинал переживать, просто начинал молиться. Повторял свою молитву, пока не отпускало. Это точно работало. Я уже проверял.

Глава 31. Новый век

Наступал новый 2000 год. Новый год, новый век, новое тысячелетие — взрослые говорили это с каким-то особенным выражением, как будто теперь всё точно будет по-другому.

А я сидел на табуретке у бабы и слушал, как взрослые обсуждали тот самый «новый век».

Звучало красиво. Новый век.

Но я не понимал, что это вообще значит — ну век и всё. Для меня это было как новый год — вроде что-то начинается, а по факту всё то же самое. Завтра так же встанешь, пойдёшь в гимназию, всё как обычно.

Баба с папой в тот вечер сидели на кухне, шушукались.

— Тоська, — сказал папа, — ты слышал, Ельцин уходит?

Я сразу поднял голову. Я знал, кто такой Ельцин. Папа иногда говорил:

— Гордись, у тебя свидетельство о рождении ещё советское. Чуть-чуть — и было бы уже российское.

Я не понимал, чем тут гордиться. Но слушал серьёзно.

В тот вечер я заснул часов в девять, но ровно к полуночи проснулся — просто захотелось в туалет. И как раз успел к самому началу Нового года.

Сначала шёл гимн, потом на экране Кремль, часы, ну и выступление президента. Я притих.

Ельцин немного хриплым голосом говорил какие-то важные слова. А потом вдруг:

— Я ухожу.

Пауза.

— Я ухожу с поста президента и передаю полномочия Владимиру Владимировичу Путину.

Я даже привстал.

— Ничего себе, — прошептал я. — Новый президент.

Но через секунду всё это вылетело из головы — с улицы уже начали греметь первые салюты.

Я вскочил, быстро натянул подштанники, штаны, футболку, кофту, куртку и валенки — и на улицу.

На небе сверкало со всех сторон, будто целый город стреляет разноцветными звёздами. Наш дом стоял на середине горы, и отсюда было видно всё — и центр, и окраины, и даже далёкие вспышки над Заречьем. Я стоял, запрокинув голову, и не мог оторваться.

А дома из праздничного ужина у нас было только выступление президента и жареная картошка, которую не доели с вечера. Баба сказала:

— Ешь с хлебом, а то не наешься.

Я тогда переел хлеба и картошку не доел.

Перед сном думал — вот сейчас каникулы, потом день рождения Васи, потом фестиваль «Свет Рождественской звезды» в гимназии. Подарки, которые получил в ДК от «Полиэкса», исчезли за два дня. Мама говорила:

— Не ешь всё сразу, аллергия будет. Попа слипнется.

Но я всё равно съел. И ничего, не слиплась.

На следующий день пришла тётя Света.

— С Новым годом. Идите к нам, гости собираются.

— Сейчас прибегу, — ответил я.

У тёти Светы в зале, как всегда, был настоящий праздник.

Большой стол, целая гора еды. Пахло майонезом, мясом, запечённым луком и чем-то сладким. Стояли тарелки с салатами, и посередине — мой любимый печёночный торт. Это была её коронная фишка, никто его вкуснее не готовил.

— Толь, садись, не стесняйся, — шепнула лёля Люда, мама Васи.

Позже приехала сестра тёти Светы с мужем — дядей Славой. Здоровенный мужик, с золотым кольцом на толстом пальце и громким голосом. Ездил на японском грузовике — Mitsubishi Hunter, как он говорил. Я каждый раз думал — сколько же он зарабатывает, раз у него такая машина.

Мужики пили водку — дядя Толя, дядя Слава. Чуть позже зашёл папа, сел рядом — но водку пить не стал.

— Мне пива налей. Я водку не люблю.

— Да брось ты, — засмеялся дядя Слава. — Праздник же!

— Праздник и без водки праздник, — ответил папа.

Я подумал — вот это да.

Минут через сорок стало шумно — мужчины уже говорили на повышенных тонах. Тётя Света бегала по кухне и командовала:

— Только не спорьте про политику!

Но они всё равно спорили — про Ельцина, про Путина, про то, что всё поменяется. Я тихо ел торт и слушал, как взрослые ругаются и смеются одновременно.

Четвёртого января был день рождения Васи.

С утра я уже знал — будет весело. Мы играли во дворе, катались с горки, потом зашли к нему домой. Тётя Света накрыла на стол — оливье, котлеты, компот из банок. Пахло праздником.

Васе подарили машинку на радиоуправлении. Я с завистью смотрел, как она ездит по ковру.

— Вась, дай попробовать!

— Только чуть-чуть, — сказал Вася.

Я аккуратно повёл машинку вперёд и подумал — вот бы и мне такую.

Седьмого января наступило Рождество.

В гимназии каждый год проходил фестиваль «Свет Рождественской звезды». Зал украшен мишурой и лампочками, на сцене большой плакат с рождественской звездой. Мы стояли хором и пели:

— Днесь Христово Рождество...

Мама сидела в зале, и я видел, как она улыбается.

После выступления всех детей угощали сладким чаем и булочками. Я стоял у окна и смотрел, как за стеклом падает снег — крупный, тихий, настоящий рождественский.

Почему-то именно в тот момент я подумал — всё хорошо.

Мама рядом, баба жива, папа трезвый.

И впереди новый век.

Каникулы подходили к концу. Скоро снова ранние подъёмы, портфель, уроки, домашка, репетиции.

Вечером я уже лежал в кровати, слушал, как на кухне потрескивает печка, которую растопила баба, и думал — пусть всё будет нормально.

Глава 32. Выходные на стульчике

Первая неделя после новогодних каникул далась тяжело — как будто мозг ещё спал, а тело уже сидело за партой. Всё внутри сопротивлялось учёбе.

Снег за окном лежал неровными слоями, тротуары укатаны, автобусы скрипели тормозами, а я каждое утро заставлял себя идти в гимназию, вообще не хотелось.

К тому же снова начал ходить на аккордеон. С Лилией Владимировной разучивали новую пьесу — сложную, с переборами и басами. Дома репетировал почти каждый вечер, и это уже стало частью быта. Никто не жаловался, что громко играю — в общежитии вообще шум стоял постоянный. Где-то ругались, где-то слушали музыку, а один сосед-алкаш вообще разбил все лампочки в коридоре. Ночью. Просто с криками и матом. Потом приехала милиция, забрала его, и мы с мамой ещё долго слышали, как он орал из машины. Вызвала милицию его же жена.

— Вот это любовь, — пробормотала мама с усмешкой.

Я хмыкнул, не до конца понимая, что она имеет в виду.

Когда наконец настала пятница, я сразу побежал к бабе. Настроение было отличное — нас с Васей ждали целые выходные катаний на стульчиках.

Снег в тот год выдался плотный, мокроватый, морозов почти не было — самое то было.

Стульчики — это уже не сидушки. Это санки.

— Толь, идёшь кататься? — кричал Вася уже от ворот.

— Сейчас, только шапку натяну!

— Быстрее давай, горку укатали уже!

Мы выбегали из двора, а там за домом начиналась первая горка — не слишком крутая, зато длинная, и с неё можно было скатиться прямо до дороги. Чуть выше была другая, уже серьёзная — съезд, потом ровный участок, потом снова спуск. На ней можно было разогнаться так, что дух захватывало. А третью горку мы называли «Стиралкой» — потому что она была волнистая, и когда несёшься вниз, тебя трясёт, будто в старой стиральной доске.

— Кто сегодня на стиралку пойдёт? — спросил Вася с вызовом.

— Да ну её, — отмахнулся я. — Опять синяки будут.

— А вот я пойду, — сказал Юрка. — У кого духа хватит — за мной!

Но самое главное было не горки. Самое главное — чем кататься.

Обычные санки? Скучно. Картонки? Мелочь. Пакеты? Ну, детский сад.

А вот стульчики — это уже уровень.

Делались они так. Берёшь школьный стул — тот самый, жёлто-коричневый, на железных ножках. Сначала снимаешь спинку — выкручиваешь болты или просто выбиваешь гвозди. Дальше самое важное: две задние стойки, на которых

держалась спинка, загибается вверх — это и будут полозья. Сидушку переворачиваешь, ставишь на железные перекладины, а задние ножки отпиливаешь.

Всё. Получаются идеальные санки — лёгкие, быстрые и управляемые.

— Мой сегодня летает как самолёт! — хвастался Вася, обматывая ручку синей изолентой.

— Это чтобы красивее было?

— Чтобы круче! — ухмылялся он. — А ещё, когда влетаешь в сугроб, она не скользит.

У кого-то сидушка была мягкая, у кого-то голый металл. У кого-то стул высокий, почти как трон, а у кого-то маленький и сбитый — зато невероятно быстрый.

— У тебя, Толь, полозья не острые, потому и не летит! — говорил Юрка. — Надо напильником пройтись.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.